УБИЙСТВО БЕЗ ПРИКОСНОВЕНИЯ

ОНА НЕ ПРИКАСАЕТСЯ. | ОН НЕ УМЕЕТ ИНАЧЕ

СЕРИЯ «НЕ ЧУВСТВУЮ»

ЛИТА БРЕТТ

18+

Aelita Brett

Убийство без прикосновения

«Автор»
2026

Brett A.

Убийство без прикосновения / A. Brett — «Автор», 2026

«Она не прикасается. Он не умеет иначе.»Портленд, Остин, Чикаго, Сиэтл. Четыре самоубийства, между которыми нет ничего общего, кроме одного: за месяц до смерти каждый из погибших сам свернул свою жизнь. Вернул долги, ушёл с работы, перестал отвечать друзьям. А после смерти от каждого остался компьютер, превращённый в кирпич.Никто их не трогал.Спецагент ФБР Джулиан Кроу не верит в совпадения. Он верит в структуру. Сам берётся за дело, прилетает в Миннеаполис и находит её — быстрее, чем пишет об этом в отчётах.Её зовут Алиса. Ей двадцать восемь. Она работает с чужими данными и никогда не спешит.Сдать её было бы правильно. Но у Джулиана свои причины этого не делать. И папка, о которой не знает Бюро.Они заключают сделку. У сделки есть правила. Правила меняются.А в Цюрихе брат, который двадцать лет присматривает за Джулианом, устает ждать его звонка и берет билет.

© Brett A., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение о содержании 5
Пролог 6
Глава 1. Миннеаполис 8
Глава 2. Местные 13
Глава 3. Дом с качелями 17
Глава 4. Спрячься 22
Глава 5. Квартира 45 27
Глава 6. Натали 30
Глава 7. Лисса 35
Глава 8. Ужин 41
Глава 9. Сделка 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Aelita Brett
Убийство без прикосновения

Предупреждение о содержании

18+

Книга «Убийство без прикосновения» предназначена для читателей старше 18 лет. В ней затрагиваются тяжёлые темы и присутствуют сцены, которые могут вызвать сильный эмоциональный отклик. Преступления показаны с точки зрения героев, без романтизации насилия.

В книге присутствуют:

— убийства, жестокое насилие и пытки, в том числе показанные глазами героя;

— тема самоубийства, в том числе с упоминанием подростка;

— домашнее насилие, физическое насилие над ребёнком и другие преступления против несовершеннолетних;

— смерть ребёнка;

— удушение, преследование, шантаж, психологическое давление и манипуляции;

— алкоголь и наркотики;

— сцены близости между взрослыми по взаимному согласию.

Как это показано

Насилие над детьми представлено как преступление и источник тяжёлой травмы, а не как развлечение или способ оправдать жестокость. Сцены убийств показаны жёстко, без смягчения.

Если перечисленные темы могут быть для вас болезненными, пожалуйста, учитывайте это при выборе книги и берегите себя.

Пролог

Портленд. Весной.

Мэттью Дойл раздал долги в четверг.

Не все, только те, что мог. Двести долларов брату, которому давно не звонил. Сто пятьдесят соседу снизу — за какую-то ерунду, о которой тот и сам забыл. Он ходил по подъезду с конвертами и говорил: «Нашёл. Должен был». Сосед смотрел на него так, как смотрят на человека, который вдруг заговорил по-французски.

С работы он ушёл в начале месяца. Пропуск отдал охраннику и попросил не провожать. Квартира тоже была уже не его: он продал её за два дня первому, кто позвонил, и в понедельник въезжали новые хозяева. Диски он раздал, пальто тоже, кофеварку выставил за дверь с запиской «Берите». Остались стол, кровать, табурет и ноутбук.

Письмо пришло в 21:12.

От Лены. Тема: «Нашла».

Мэтт, смотри, что я нашла на папиной флешке. Арбуз на крыше у деда, помнишь? Кажется, мы там смеёмся. Ссылка ниже, видео тяжёлое.

Он прочитал дважды. Лена не писала ему с Рождества, он ей — с осени, и оба делали вид, что это просто занятость. Он закрыл лицо ладонью и долго сидел так. Когда отнял руку, ладонь была мокрой.

Он нажал на ссылку.

Экран мигнул, потом ещё раз. Открылось окно, за ним второе, третье. Они ложились друг на друга быстрее, чем он успевал их закрывать. Он выдернул шнур, зажал кнопку питания и держал, пока не побелел палец. Ноутбук не выключился. Вентилятор выл всё выше и тоньше, корпус под ладонью стал горячим.

— Нет. Нет, подожди. Там же всё…

Там было всё: двадцать лет работы, фотографии матери, переписки, которых он стыдился, и несколько таких, которых не стыдился. Из-под клавиш потянуло горячей пылью. Внутри что-то сухо щёлкнуло, вентилятор смолк, экран погас.

Он нажал кнопку питания. Ничего. Ещё раз. Ничего.

Стало тихо. Остался только запах.

Телефон на столе засветился.

На экране стоял значок приложения, которое он удалил три года назад. Старая соцсеть, аккаунт ещё со времён колледжа: на аватарке — фотография с чужого дня рождения, в друзьях — люди, чьих имён он уже не помнил. Пароль он давно забыл и был уверен, что там никого нет.

Одно новое сообщение. Одно слово.

Он прочитал его и не удивился. Так читают расписание поезда, на котором ездят каждый день.

Сегодня?

Пальцы дрожали, он трижды промахнулся мимо букв. Ответил одним словом и отправил.

Да.

Ответа не пришло.

Потом он стёр всё: переписку, контакты, фотографии, которых было немного, заметки. Каждый раз телефон спрашивал, уверен ли он, и каждый раз он нажимал «Да». Когда экран стал пустым, как у телефона из магазина, он положил его на стол экраном вниз.

В ящике нашлись ручка и пара листов. Он давно не писал от руки, пальцы забыли, как держать ручку. Начал и зачеркнул. Начал снова. Одна строка вышла сама, будто её продиктовали. Он перечитал её и узнал — так узнают голос из соседней комнаты.

Он писал долго. В окне напротив женщина в жёлтых перчатках мыла посуду, без спешки, тарелку за тарелкой.

Когда он закончил, буквы расплывались — то ли от слёз, то ли рука уже не слушалась. Вышло почти две страницы. Он сложил листы пополам, потом ещё раз и положил на середину стола, придавив кружкой, которую забыл отдать.

И тут он заревел.

Некрасиво, в голос, всем телом. Воздух приходилось втягивать силой. Он сидел на полу у кровати, обхватив колени, и выл в собственные руки, чтобы не услышали соседи. Никто не постучал. Никто не спросил. За окном шумела весна чужими голосами.

Потом затих. Посидел. Дыхание выровнялось, стало почти спокойно. Почти.

Прошло полчаса, может, час. Он не считал. В какой-то момент понял, что сидит уже не от горя, а оттого, что надо встать, а встать страшно.

Он встал и вытер лицо рукавом.

В шкафу висел ремень. Кожаный, тяжёлый, отцовский. Единственная вещь, которую он так и не смог отдать: не придумал, кому нужен чужой отцовский ремень. Он провёл пальцем по пряжке. Пряжка была холодная.

Он не торопился. Впервые за долгое время спешить было некуда.

Табурет был тот самый, с облупленной краской, на котором он сидел, когда курил в форточку. Он подставил его под трубу. Затянул ремень, проверил узел, дёрнул. Держит.

В окне напротив всё ещё мыли посуду. Женщина подняла голову, посмотрела в его сторону и не увидела. В тёмном стекле его уже почти не было.

Кожа легла на шею плотно, почти нежно. Слёзы текли по щекам и капали на воротник. Он всхлипнул — коротко, по-детски — и затих.

— Ладно, — сказал он вслух. Голос сорвался. Никому.

Оттолкнул табурет.

Глава 1. Миннеаполис

Номер на семнадцатом этаже смотрел на город, как хирург на вскрытый череп.

Джулиан Кроу стоял у панорамного окна, руки в карманах, плечи расслаблены, лицо ровное. Миннеаполис ночью был похож на разлитую по столу лужу: тёмную, с мерцающими разводами, бесконечную. Где-то внизу текла Миссисипи. Он не видел её, но знал, что она там. Знание было лучше, чем вид. Знание всегда было лучше.

Окно занимало всю стену — сплошной лист тонированного стекла, без рамы и переплёта. Сверху всё мелкое становилось плоским и понятным, а люди превращались в точки. Ему нравилось. Он их не видел, и это было удобно. Из окна его вашингтонского кабинета город выглядел так же — муравейником, и Джулиану каждый раз хотелось наступить.

Пальто он так и не снял, хотя отель топил так, будто в сентябре гостям нужна сауна. Тяжёлое, тёмное, своё. Жары он не замечал.

На кровати лежали четыре папки.

Он сбросил на пол тугое белое покрывало и разложил папки веером на простыне. Верхний свет не включал: хватало того, что сочилось с улицы и из ванной. В полутьме лица на обложках казались не мёртвыми. Ушедшими.

Мэттью Дойл, сорок один, Портленд, программист. С фотографии он смотрел так, как смотрят люди, которых попросили улыбнуться, а они не поняли зачем. За месяц до смерти уволился и продал квартиру. Его компьютер превратился в кирпич: диск стёрт до нулей, прошивка платы переписана, ноутбук больше не включался. В лаборатории сказали, что так не ломаются. Так ломают. В кэше телефона остался один адрес — почтовый сервер, зарегистрированный в Миннеаполисе. Записка занимала почти две страницы. Джулиан прочёл её трижды. Там было всё, что положено, и одна фраза посередине, которая ни к чему не относилась и торчала, как чужой палец на снимке: «Я никогда не любил этот город, но он хотя бы знал, как меня зовут».

Рейчел Нг, тридцать четыре, Остин, бухгалтер. Вернула долги, все до цента, удалила соцсети и сказала подруге: «Я устала быть собой». Люди, которые собираются уйти, любят, чтобы счета сходились. Записки не нашли. Компьютер — кирпич. Телефон — тот же сервер, тот же город.

Кевин Лоусон, двадцать девять, Чикаго, преподаватель музыки. Сдал ключи от класса и перестал ходить на репетиции. На столе осталась недопитая чашка чая. Джулиан задержался на ней дольше, чем на записке из трёх строк. Чай оставляют, когда собираются вернуться. Или когда хотят, чтобы так думали. Компьютер — кирпич.

Дебора Финч, пятьдесят два, Сиэтл, журналистка, вдова. Закрыла ноутбук и больше не открывала, а редактору сказала, что берёт паузу. «Пауза» — слово, которое оставляет дверь приоткрытой. Записки нет. Компьютер — кирпич.

Общего почти ничего: разные города, возрасты, профессии, ни одного пересечения по знакомым и соцсетям. Он проверил сам, его люди проверили дважды. Общее было в другом. Каждый из четверых за месяц до смерти начал замолкать и уходить, под конец раздал долги и вещи и сказал кому-то короткую фразу, которая была не его. А потом компьютер выполнил чужую команду. Два телефона вели в один город.

Две записки из четырёх. Это могло ничего не значить. А могло значить, что остальные тоже писали, но записки исчезли.

На трёх страницах, которые он принёс Эллисон, были выписаны не совпадения, а несовпадения: то, чего не было, но должно было быть. Она держала листы двумя пальцами, как мокрую тряпку.

— Ты уверен, что это не совпадение?

— Я уверен, что это структура.

— Ты всегда так говоришь.

— И всегда оказываюсь прав.

Она вздохнула и подписала.

— Месяц, — сказала она, не поднимая глаз от бумаг. — Разберись и возвращайся. И разговор о командировках закрыт. Твой брат уже спрашивал, когда ты снова будешь в городе.

Он не ответил.

В номере щёлкнул и загудел кондиционер. Кабинет Эллисон пропал. Остались жёлтая лампа над кроватью и папки на покрывале.

Он собрал папки и убрал в портфель, а портфель поставил на стол у окна. Углы параллельно краю стола.

Душ он принимал долго, горячий, до покраснения кожи. Вода текла по шраму, который шёл от виска к темечку. Джулиан не думал о шраме. Он думал о фразе про город, который знал, как зовут Мэттью Дойла.

Он выключил воду и постоял, слушая, как капает. Кафель под ногами был белый, безупречный, гостиничный. На таком кафеле ничего не остаётся: ни пятен, ни следов, ни воспоминаний. Утром придёт горничная, протрёт, и будет чисто.

Он растёрся жёстко, без нежностей, как протирают оружие, обернул полотенце вокруг бёдер и посмотрел в зеркало.

Зелёные глаза. Прямая спина. Лицо, которое могло бы принадлежать актёру из рекламы дорогих часов, политику или тому, кто продаёт людям ненужное и смотрит так, что им хочется купить. Шрам от виска к темечку, бледный, рельефный, как дорога на карте. Он его не прятал. Люди любят шрамы: шрам делает человека интересным и сложным. Джулиан Кроу не был сложным. Он был прямым, как нож. Но и нож бывает красивым, если правильно положить его на свет.

На левом плече — дракон. Тёмный, подробный: чешуя, крылья, пасть. Под ним — то, что было раньше. Джулиан не смотрел.

Белая футболка, чёрная куртка, тёмные прямые джинсы без дыр и потёртостей. Потёртостей он не носил. Потёртость — это износ. Он поправил часы на запястье и вышел.

На улице пахло осенью и выхлопом.

Миннеаполис в сентябре не знал, чего хочет. Лето цеплялось за тротуары тёплым асфальтом, но воздух уже стал прозрачным и жёстким, как первое предупреждение. Люди шли по Николет-авеню с куртками, наброшенными на плечи, будто ещё не решили, надевать ли. Синоптики обещали к выходным похолодание. Синоптики не знали ничего.

Из пекарни, которая работала допоздна, тянуло корицей и горячим сахаром, и у Джулиана свело челюсть. Он прошёл мимо. Он не любил этот запах. Никогда. И не спрашивал себя почему.

Телефон в кармане коротко дрогнул, один раз, будто кто-то постучал изнутри. Он достал его, глянул и убрал обратно. Одна буква — «А.». Брат звонил третий раз за неделю. Джулиан шёл дальше, не ускоряя шага, и только дракон на плече на секунду стал горячим.

В каждой витрине шёл он сам, высокий, светлый, в чёрной куртке. У закрытой аптеки сидела старая овчарка и ждала хозяина. Он глянул на неё и пошёл дальше.

Записки ничего не стоили. «Устал», «прости», «достаточно» — так пишет каждый. Другие искали мотив. Джулиан искал управление. Мотив можно подделать. Структуру — нет.

Он видел двоих, кто умел довести человека до края и ни разу его не коснуться. Один сидит. Второй до сих пор где-то ходит. Но доказать это Джулиан не мог. Пока.

Бар назывался «The Local». Сюда приходили пить, а не притворяться.

Джулиан свернул, увидел вывеску и зашёл.

Внутри было темно и тесно. Низкий деревянный потолок, под ним трубы, выкрашенные в чёрный. Кирпичные стены, на них чёрно-белые рамки: мосты, реки, люди, которых никто не

знал. Пахло пивом, деревом и старым табаком, который давно впитался в кресла. Играл блюз, тягучий, с гитарой, которая держала ноту, как человек, не желающий заканчивать разговор. Би Би Кинг — The Thrill Is Gone.

Он выбрал место у стойки, откуда были видны и дверь, и зеркало за бутылками. Бармен — толстый, рыжий, с бородой лесоруба и выцветшим якорем на предплечье — налил, не спрашивая марку. Джулиан не возразил. Бурбон был хорош.

Он сделал первый глоток и почувствовал взгляд. Не услышал, не увидел — почувствовал, как сквозняк на коже.

Оборачиваться не стал. Посмотрел в зеркало, старое, с тёмными пятнами по краям, где бутылки казались выше, а лица уже. За три стула от него сидела женщина. Рыжие волосы чуть ниже плеч, не убраны, просто лежат, как лежится. Левое плечо открыто, рубашка сползла, и она её не поправляла. Бокал с чем-то прозрачным. Она смотрела в телефон. Минуту назад она смотрела на него.

Он допил и повернулся на стуле — медленно, будто только сейчас заметил, что в баре есть другие люди.

— Не помешаю?

Она подняла глаза: карие, смешливые. Не красавица в журнальном смысле. Её красота приходила на третьем взгляде.

— Зависит от того, что вы собираетесь сделать.

— Пока ничего. Сижу.

— Хороший план.

— Я агент ФБР. Мы умеем сидеть.

Она моргнула, потом рассмеялась, коротко, по-настоящему.

— Серьёзно?

Он показал жетон. Не для дела, просто так. Она посмотрела на жетон, как смотрят в меню: с интересом, без трепета.

— Вы ведь не местный, да?

— Командировка. Первый день.

— Опасная?

— Не скажу, даже если да.

— Почему?

— Тогда вы уйдёте, а я этого не хочу.

Она прищурилась и разглядывала его дольше, чем разглядывают жетон.

Её глаза скользнули выше, к виску.

— Откуда шрам?

— Служба.

— Пуля?

— По касательной.

— Больно было?

— Не помню. Быстро было: вспышка, потом уже больница.

История была хорошая и ничего не стоила.

— Хороший ответ, — сказала она. — Я бы такой записала.

Он не стал спрашивать.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Джулиан.

— Просто Джулиан?

— Пока просто.

Она допила, поставила бокал и повернулась к нему: колено к колену, локоть на стойку. На левом запястье, у самой ладони, тянулась царапина, свежая, длинная, будто от кошачьих

когтей. Она её не прятала, но и не показывала. Джулиан посмотрел на царапину и ничего не спросил.

— Я Кейт, — сказала она.

Имя прозвучало с запинкой в полвдоха, как пальто, которое примеряют перед зеркалом. Он счёл это кокетством.

— И если вы собираетесь продолжать в этом духе, мне нужен ещё один коктейль.

Он заказал два: ей то же, себе ещё бурбон.

— Ну и зачем вам это? — спросила она, принимая бокал.

— Что?

— Ну вот это всё. Вечер с незнакомкой, чужой город. У вас же дело, а агенты по делу в барах не сидят, это все знают.

— Откуда вы знаете, что делают агенты?

— Из фильмов.

— В фильмах много чего показывают.

— А вы?

— А я пока просто сижу. Работаю лучше, когда не думаю о деле.

— Да все так говорят. И все врут.

— Я знаю, когда человек врёт. Это же моя работа.

— И я вру?

— Сейчас нет. Но будете.

Она рассмеялась, дольше, чем в первый раз, и откинула волосы со лба.

— Ладно, агент Джулиан. Раз вы знаток лжи, скажите, что я скрываю.

— Вы не одна. Не в смысле компании. У вас кто-то есть. Мужчина, который думает, что вы дома. Или у подруги.

Улыбка исчезла на секунду. Потом вернулась, но уже другая, та, что прикрывает.

— Хороший трюк. Только у меня никого нет. Вы промахнулись, агент.

Он не поверил.

— Тогда простите.

— Да не надо прощения, — сказала она. — Вы просто смотрите, что я сделаю. Я же вижу.

Он поднял стакан. Отвечать было незачем.

Они разговаривали. Он не спрашивал о её работе: это было скучно. Она не спрашивала о его деле: это было умно. Говорили о городе, о холоде, который идёт, о баре, о том, почему она здесь одна. Она ответила «просто так». Он знал, что это неправда, а она знала, что он знает.

— Я здесь, потому что мой кот умер, — сказала она вдруг.

Он этого не ждал. Она смотрела в бокал, и это уже не было «просто так».

— Сочувствую.

— Его звали Майкл, как архангела. А сам был просто рыжий и толстый, спал у меня на подушке каждую ночь. Ну и вот.

Она покрутила пустой бокал за ножку. Слёз в глазах не было, но было то, что он узнал: усталость от потери. Как будто жизнь — это рюкзак с дырой, и всё время что-то высыпается, и ты уже не нагибаешься.

Джулиан этого не чувствовал. Он видел.

— Майкл — хорошее имя для кота.

Она улыбнулась. Значит, сказал правильно.

Музыка сменилась, теперь играло что-то медленное, с пианино. Он наклонился ближе, не резко и не жадно. Она не отстранилась.

— Здесь шумно.

— И что?

— Я знаю место потише.

— Вы же в городе первый день.

— Я знаю место, — повторил он, и уголок его губ приподнялся.

Телефон у её локтя засветился. Она накрыла экран ладонью раньше, чем он успел прочесть имя, и убрала телефон в сумку.

— Уже поздно, — сказала она. — Мне правда пора, я…

Она не договорила.

— Я настаиваю.

Он не повысил голос и не придвинулся. Смотрел и ждал.

Она потянулась за сумкой и задержалась у его плеча на вдох дольше, чем нужно. Взгляд скользнул к его губам и вернулся. Пальцы на ремешке разжались, потом сжались снова.

Она решала. Он не торопил.

— Ладно. Только ненадолго.

Он встал первым и протянул руку. Пальцы у неё были прохладные.

У двери она обернулась.

— Вы точно знаете, куда мы идём?

— Нет.

Это была правда.

Она засмеялась в третий раз, и этот смех был лучшим, потому что в нём не было проверки.

На улице похолодало, или ему показалось. Фонари на Николет-авеню бросали на тротуар жёлтые круги, и они шли из круга в круг: он чуть впереди, она рядом.

На углу у банка стоял человек в сером пальто. Не курил, не смотрел в телефон, просто стоял. Джулиан не обернулся.

— Вы всегда идёте первым? — спросила она.

— Да.

— А если я захочу повернуть?

— Повернёте.

— А вы?

— Догоню.

Она хмыкнула и ускорила шаг, пока не поравнялась с ним. Плечо к плечу.

Где-то за кварталами, за крышами, за рекой, которую он не видел, но знал, город спал. Или не спал: города не спят, они притворяются, и этим тоже похожи на людей.

Город, который знал, как зовут Мэттью Дойла.

Два телефона ведут сюда. В город, который на месяц стал его. Каждому из четверых понадобился месяц. Если он прав, кто-то уже начал замолкать, и через месяц будет следующий. Если не прав — следующий будет тоже, и он не узнает почему.

Он найдёт. Он всегда находил.

Но это завтра.

А сейчас были бурбон, холод миннеаполисской ночи и царапина на запястье Кейт. Кот умер, а царапина ещё не зажила.

Он не думал об этом. Пока.

Глава 2. Местные

Он проснулся в начале седьмого. Правая половина кровати была смята и уже остыла.

Имя он помнил. Это было странно: имён он не запоминал, если не собирался ими пользоваться. Кейт. На тумбочке лежала салфетка с номером, написанным угловатым торопливым почерком. Он посмотрел на неё секунду, смял и бросил в корзину. Постоял над корзиной.

Машину из проката пригнали к отелю к половине восьмого: чёрный BMW, ключ на кольце с пластиковой биркой. Парень в форменной куртке ждал у входа с планшетом. Джулиан расписался не читая и сел за руль.

Здание муниципалитета на Южной Четвёртой строили так, чтобы человек на ступенях почувствовал себя маленьким. Розовый гранит, тяжёлые своды, узкие окна, башня с часами. Джулиан поднялся по ступеням без спешки.

Внутри пахло старым ковром, остывшим кофе и бумагой. На третьем этаже к этому примешалось другое, сладкое и тёплое: кто-то ел булочку с корицей. Джулиан задержался на площадке на полшага дольше, чем нужно. Челюсть свело. До конца коридора он дышал ртом.

Отдел занимал одну комнату. Пять столов, четыре заняты. Пятый, у окна, стоял пустой: новенький ноутбук, телефон, ничего лишнего. Джулиан сел за него спиной к двери, из-за которой тянуло корицей. Обычно он так не садился.

Люди за остальными столами делали вид, что заняты, и следили за ним краем глаза. Федерал из Вашингтона. Чужой. Ему это нравилось. Взгляд, который не любит, всё равно взгляд.

Читать комнату он научился давно и не по своей воле.

Он открыл ноутбук и положил рядом четыре папки. Тоби прислал утром то, что он просил: выборку по способу совершения. Осуждённые за компьютерное мошенничество и несанкционированный доступ, освобождённые в Миннесоте за последние два года. Сервер здесь — значит, и руки, скорее всего, здесь. Одиннадцать имён, у каждого фотография, срок, адрес и куратор. Рабочая выборка, из тех, что составляют первой. Он пробежал её глазами. Имена как имена. Только один на тюремном снимке улыбался: Грэм Холт, тридцать четыре года. Не в камеру, а куда-то мимо, будто за спиной фотографа кто-то стоял.

Шаги он услышал раньше, чем увидел человека: тяжёлые, размеренные, с лёгкой хромотой на правую ногу. Рей Колдуэлл встал в дверном проёме и заполнил его собой. Крупный, седой, в пиджаке, который жал в плечах. Лицо обветренное, глаза серые, маленькие, внимательные. Усталые и настороженные.

— Кроу?

— Да.

— Колдуэлл. Рей. — Руки он не протянул. — Стол, вижу, нашли.

— Он единственный пустой.

Рей подошёл и остановился на таком расстоянии, на каком говорят, не вторгаясь. Джулиан выбрал бы такое же.

— Кофе нет. Машина сломалась в марте, никто не чинит, все пьют из термосов. Тэмми нальёт, вон та, с кружкой, но не любит, когда просят дважды. Туалет в конце коридора налево. Если закрыто, значит, кто-то курит в окно. Не стучите. Принтер у меня за спиной, зажёвывает бумагу. Не дёргайте: откройте заднюю крышку и вытащите лист.

Джулиан кивнул. Тэмми, кружка, не просить дважды.

Рей чуть наклонил голову.

— Вы всегда так?

— Как?

— Не спрашиваете. Просто киваете.

— Если понадобится, спрошу.

Рей хмыкнул.

— Это наш город, Кроу. Мы справляемся. Четыре штата, один город, федералы с папками — всё понятно. Но у нас двадцать три нераскрытых, — он кивнул на карту на стене, утыканную красными булавками, — и каждое чьё-то.

Джулиан посчитал булавки. Двадцать три. Спрашивать он не стал.

Для Рея он был помехой, а не помощью. Местные не любят, когда федералы приходят со своими папками и уходят с их делами. Джулиан не обижался. Обида мешает видеть.

У Рея зазвонил телефон, и Джулиан подошёл к его столу. Под стопкой бумаг лежали фотографии: мужчина лет сорока на асфальте, на спине, глаза открыты; женщина с синяком под глазом; машина с вмятиной на капоте. У монитора стояла рамка: Рей лет на десять моложе и женщина рядом, с таким же тяжёлым подбородком. Смеётся, щурясь на воду.

Джулиан взял верхний снимок.

— Это что?

Рей обернулся и положил трубку, не договорив.

— Не ваше дело. Другое.

Снимок Джулиан не вернул. Он смотрел на руки лежащего: вытянуты вдоль тела, ладони открыты, ссадин нет. Пьяный, падая, выставляет руки вперёд. Этот рефлекс не пропьёшь. И куртка задрана под мышками, собралась складками — так бывает, когда человека несут под руки.

— Не ищите пьяницу, — сказал он. — Его принесли и положили. Убили в другом месте.

Рей замер.

— Следов волочения нет.

— Тела не всегда тащат по земле.

— Я вас не спрашивал.

Джулиан положил снимок на стол, но не туда, где тот лежал, а на два сантиметра левее. Рей посмотрел на фотографию, потом на него. Молча забрал снимок, вытер уголок рукавом, будто Джулиан оставил на нём отпечатки, и убрал в ящик. Потом достал блокнот и записал что-то одной строкой. Что именно, Джулиан не видел.

— Мне нужен прокурор. Кто подписывает запросы?

— Лоу. Дэвид Лоу, помощник федерального прокурора. Офис через дорогу.

— Он меня ждёт?

— Нет. И рад не будет.

— Меня редко ждут с радостью.

Рей не ответил.

— Удачи, — сказал он и отвернулся.

У выхода Джулиан остановился у стола женщины с кружкой. Тэмми, детектив, немолодая, короткая стрижка, глаза, которые давно ничему не удивлялись.

— Рей сказал, у вас можно взять кофе. Один раз.

Она посмотрела на него долго.

— Можно. Но не сегодня.

— Понял. В другой раз.

* * *

Офис федеральной прокуратуры встретил его холодом и эхом. Мраморный пол повторял каждый шаг, воздух был без запаха. В участке жили, пусть и устало. Здесь работали.

Секретарь, молодая и напряжённая, посмотрела на жетон, на него, снова на жетон.

— Без записи?

— Да. Дело срочное.

Дэвид Лоу оказался не тем, кого Джулиан ждал: не циничный карьерист и не заплывший бюрократ. Худой, лет сорока пяти, очки в тонкой оправе, рубашка отутюжена до острых складок, бордовый галстук с безупречным узлом. Смотрел он на самого Джулиана, а не на жетон, прямо и без спешки.

— Садитесь, агент Кроу.

Джулиан сел, положил портфель на колени и открывать не стал.

— Мне нужны запросы в Comcast и T-Mobile. Метаданные: IP-сессии, имена, адреса, время. Не содержимое. Структура.

— Основание?

Он достал четыре папки и положил на стол обложками вниз.

— Четыре штата, четыре жертвы. У всех компьютеры убиты не сбоем, а направленно: диски стёрты, прошивка переписана. У двоих в кэше телефона один и тот же почтовый сервер, зарегистрированный здесь. Это не самоубийства, мистер Лоу. Кто-то довёл их до точки, и сделал это через ваш город.

Лоу открыл одну папку, просмотрел, закрыл.

— Вы говорите о доведении до самоубийства цифровыми средствами. Это серьёзное обвинение.

— Это не обвинение. Это структура.

— Четыре штата — дело Бюро. Но Миннеаполис — мой округ, и запросы подписываю я. Если это совпадение, вы потратите моё время и деньги налогоплательщиков.

— Это не совпадение.

Лоу постучал пальцами по столу, один раз, тихо. Джулиан ждал. Этот сразу не подпишет: сначала посчитает, во что ему обойдётся отказ. Но подпишет.

— Две недели, — сказал наконец Лоу. — Запросы подпишу. Каждую пятницу хочу отчёт. Не сводку, а детали: что нашли, что проверили, что отбросили. Не найдёте ничего, что выдержит суд, — закрою запросы, и дело вернётся в Вашингтон, а вы вместе с ним.

— Хватит.

— Comcast ответит быстро, T-Mobile дольше. Первое получите в течение суток.

Джулиан встал и убрал папки.

— Через две недели у вас будет имя.

— Агент Кроу.

— Да?

— Надеюсь, вы не из тех, кто обещает.

Джулиан не обернулся.

Дверь закрылась без хлопка. Только на улице он заметил, что дышит ровно.

Телефон завибрировал, когда он садился в машину. Три долгих импульса: так звонил только Вашингтон.

— Кроу.

— Ты где.

Это был не вопрос. Голос Эллисон Парк, низкий, с хрипотцой. Двадцать пять лет она слушала людей, которые ей врут.

— Работаю.

— Ты в Миннеаполисе меньше суток и уже был у прокурора. Он мне звонил. Лично.

— Он мне понравился.

— А ты ему нет. Ты положил перед ним четыре папки, сказал «через две недели будет имя» и ушёл, не спросив его мнения.

— Он дал мне две недели.

— Он дал тебе две недели, потому что ты не оставил ему выбора.

Она помолчала. Он видел её так, будто стоял у неё в кабинете: маленькая, лет пятидесяти, короткая стрижка, которую она делала себе сама. На стене фотография с мужем на фоне горного озера.

— Я сказала ему, что ты лучший в моём отделе. Что если ты говоришь «будет имя», оно будет.

Он молчал. После такого всегда шло «но».

— Но я сказала и другое: ты ходишь по краю. Упадёшь — я тебя не подберу.

Она говорила это не впервые. И каждый раз подбирала. Он делал, она прикрывала, пока результат стоил риска. Пока стоил.

— Я понял.

— Ты услышал. Это разные вещи. — Она выдохнула. — Держи меня в курсе. Каждый день. И протокол соблюдай, Джулиан. Здесь не Вашингтон.

Связь оборвалась.

* * *

Вечером он сидел в номере у окна, и город внизу лежал мерцающей лужей, как накануне. Телефон лежал на столе экраном вниз. Ноутбук ожил раньше, чем обещал Лоу: письмо от Comcast, три IP-сессии, и у каждой — адрес абонента. Два в районе Филлипс: жилой дом и офисное здание. Третий — открытая сеть кофейни в центре.

Он открыл карту. Филлипс был серым пятном на теле города: старые дома, пустыри, маленькие офисы. Место, где никто не смотрит дважды.

Кофейня стояла в двух кварталах от бара на Николет.

Выводов он делать не стал.

Он подошёл к окну. Где-то в этой темноте текла невидимая река, где-то в сером пятне стоял сервер, и за ним сидел человек. Мужчина или женщина, Джулиан не знал.

Он выключил свет. Комната стала чёрной. Светился только экран ноутбука с тремя адресами, как три окна в доме, где никто не живёт.

Глава 3. Дом с качелями

Рей заехал за ним у участка в начале девятого, хотя Джулиан не просил.

— Вам нужен местный, — сказал он, не вылезая из машины. — Иначе вас в Филлипсе остановят в первый же час. И не по-хорошему.

Машина была старая серая «импала» с царапиной на крыле, списанная из полицейского парка: на приборной панели остались дырки от креплений рации. Внутри пахло табаком и кофе. Джулиан сел справа и положил портфель на колени. BMW он оставил на парковке у участка.

Первые минуты ехали молча. Потом Рей сказал, не поворачивая головы:

— Вы в Миннеаполисе впервые?

— Да.

— И как?

— Серый.

— Это сентябрь. В июле он зелёный, в январе белый. Сейчас серый, как всё здесь.

Дорога уходила к югу. Дома становились ниже, заборы выше, граффити плотнее.

— Сколько в Бюро?

— Шестнадцать лет.

— И много таких дел? Четыре штата и один город?

— Достаточно, чтобы не верить в совпадения.

Рей кивнул.

— У меня так: верю в то, что вижу. Пока не увижу, не поверю.

Джулиан смотрел в окно.

— Филлипс, — сказал Рей, когда они свернули на Франклин-авеню. — Половина домов пустует. Город не сносит, владельцы налогов не платят. Люди приходят и уходят, никто не следит.

— Значит, место подходит.

— Для чего?

— Для всего.

Рей посмотрел на него и отвёл глаза.

* * *

Дом стоял на Тринадцатой авеню — первый адрес из письма Comcast — в конце ряда: двухэтажный, обшарпанный, с заколоченными окнами и сорванным замком на двери. Но мёртвым его делало не это.

Во дворе, у самого крыльца, торчала детская площадка. Ржавая, перекошенная, с качелями, которые давно перестали быть качелями: цепи приросли к перекладине. На одной висела красная тряпка, выцветшая до цвета старой крови. Ветер шевелил её и не срывал. Как будто она решила остаться.

Джулиан смотрел на площадку секунду. Потом отвернулся.

Под курткой, на левом плече, что-то повернулось. Коротко, как зверь во сне.

— Вы идёте? — спросил Рей.

План дома Джулиан ночью скачал из городского реестра и помнил наизусть. Внутри было темно. Свет пробивался сквозь щели в фанере узкими полосами, и в них висела пыль, не двигаясь. Пахло плесенью и сыростью, а под ними было другое, сладковатое и тошное, будто здесь когда-то пролили молоко и оно так и не высохло.

Джулиан шёл медленно. Пол скрипел, доски прогибались, но держали. В первой комнате было пусто, только на стене остался прямоугольник, где краска не выцвела: кто-то снял картину. Во второй на подоконнике остался след от свечи, и воск застыл не до конца.

— Недавно, — сказал он.

— Подростки. Пьют, курят, жгут свечи. — Рей достал сигареты и остановился в дверях. — Я покурю.

Джулиан поднялся на второй этаж. В половицах местами зияли дыры. В одной из комнат пыль лежала ровным слоем, и в ней были свежие следы: небольшие, аккуратные, будто кто-то ходил в кроссовках и старался не шуметь. В углу лежала куча тряпья. Не мусор: кто-то её сложил, аккуратно, как будто готовился остаться. Или уже оставался.

Потом он спустился в подвал. Люк был приоткрыт, петли скрипели. Внизу пахло сыростью и электричеством. По стенам тянулись провода, старые, в паутине. Один кабель был новый, чёрный, гладкий, не из первоначальной проводки. Концы обжаты чисто, как у монтажника, и подключён он был через новую коробку. Кабель уходил в стену, в нишу, которой на плане не было.

Джулиан поднялся наверх. Мимо второго этажа, выше, туда, где по плану был чердак.

На плане чердак был открытым, от фронтона до фронтона. Здесь его перегораживала стена из некрашеных досок, и за ней была комната, которой не должно было быть. Почти чулан. В углу на полу лежала тонкая пластиковая карточка без опознавательных знаков, а рядом кусочек изоленты, чёрный, свежий.

Трогать он не стал. Запомнил положение карточки, угол, тень, которую она отбрасывала на пыльный пол. Дом молчал.

Когда он вышел на крыльцо, Рей докуривал.

— Ну?

— Следы свежие. Кабель в подвале новый. Карточка наверху. Комната, которой нет на плане.

— Следы могут быть от кого угодно. От рабочих, от подростков, от бездомного.

— Кабель не от бездомного. И комната не от подростка.

— Я не вижу здесь дела, — сказал Рей. — Я вижу заброшку, в которую кто-то ходит.

— Это часть структуры.

— Вашей структуры. Не моей.

Джулиан почувствовал, как в груди что-то поднимается. Ровно, тихо. Он погасил это раньше, чем оно дошло до лица.

— Здесь есть что смотреть, — сказал он.

Они посмотрели друг на друга. Рей отвёл взгляд первым.

— Что у вас ещё по списку?

— Ничего срочного. Отчёт для Лоу, звонки в Вашингтон, бумаги.

— Тогда подвезу обратно.

Обратно ехали молча. На светофоре Рей сказал, глядя вперёд:

— Мы тут десять лет таскаем одно и то же. Каждое «дело» оказывается заброшкой, наркоманами или дракой в баре. Вы приехали в понедельник, а в среду у вас уже следы. Понимаете, как это выглядит?

— Понимаю.

— И?

— Мне всё равно, как это выглядит.

Загорелся зелёный, и Рей тронулся.

У участка Джулиан пересел в свою машину и поехал обратно на юг, на Чикаго-авеню. Второй адрес.

Офисное здание было из тех, что не замечаешь, пока не окажешься рядом. Три этажа коричневого кирпича, узкие окна в алюминиевых рамах, на первом этаже кафе «Сип & Go» и стоматология, дальше витрина с объявлением «Сдаётся». Над входом чёрная купольная камера, ещё одна над парковкой.

Джулиан купил в кафе чёрный кофе и сел у окна. Отсюда были видны вход, парковка и кусок тротуара. Он пил и смотрел, как люди входят и выходят: рубашки, портфели, бейджи на лацканах. Ничего, что выбивалось бы. Допил, выбросил стаканчик, вышел и набрал номер с объявления.

— Боб Хендерсон, управляющий.

— Добрый день. Пол Дэвис. Я представляю клиента, которому нужно помещение под архив. Без окон, с вентиляцией, в тихом конце коридора, подальше от входа. Желательно цоколь или первый этаж.

На том конце помолчали. Слово «клиент» значило деньги, и Джулиан слышал, как оно меняет голос.

— Через двадцать минут буду.

Боб Хендерсон приехал на белом седане — круглый, румяный, в клетчатой рубашке поверх футболки, с брелоком, который звенел при каждом шаге. Рука у него была мягкая и тёплая.

— Покажу, что есть. Два свободных, на втором и на третьем. Хорошие, тихие, с окнами.

— Клиенту окна не нужны. Ему нужны стены, пол, вентиляция и тишина.

— Это обычно цоколь. А цоколь у нас не сдают: склад, технические. — Боб почесал затылок. — Ну, посмотреть-то можно. Только там не уютно.

Джулиан достал бумажник, отсчитал три сотни и положил на подоконник. Ровно, купюра к купюре.

— За беспокойство. Пять минут, и всё.

Боб посмотрел на деньги. Потом на Джулиана. Потом снова на деньги.

— Только ничего не трогайте. И если спросят, я не показывал.

— Договорились.

Лестница в цоколь была теснее и холоднее, ступени бетонные. Боб щёлкнул выключателем, и вдоль коридора загорелись тусклые лампы, по одной на секцию.

— Технические. Щитовая. Склад. Вот двое арендуют: логистика, у них коробки, и частное лицо. Редко появляется, но платит вовремя, полтора года уже. Месяц назад продлил.

— Кто?

— Рэймонд. Фамилию не помню, договор через агентство. Мне главное, что деньги приходят. — Боб пожал плечами. — Тихий. Приходит после шести, иногда ночью. У него свой ключ.

— Камеры здесь есть?

— В коридоре одна. Сломалась неделю назад, заказал ремонт, ждём мастера.

Джулиан кивнул.

Последняя дверь направо была без таблички и без номера. Боб достал запасной ключ с биркой «В-7» и, помедлив, открыл.

Комната метров двадцать: бетонные стены, бетонный пол, низкий потолок с трубами, одна тусклая лампа. Металлический стол с выдвижными ящиками, два белых пластиковых стула, картонная коробка в углу, закрытая, без надписей. У двери маленькая металлическая корзина с белым пакетом.

Джулиан вошёл первым. Стол чистый, без пыли: кто-то вытирал. На краю, на сложенной салфетке, стояла белая чашка. Он коснулся её тыльной стороной пальца.

Чуть тёплая.

После шести, — сказал Боб. — Иногда ночью. Сейчас было без четверти двенадцать.

Джулиан убрал руку и посмотрел на дверь.

Коридор уходил в полутьму: одна лампа на секцию, между ними тень. Гудела щитовая. Где-то наверху спустили воду, и трубы под потолком отозвались. Больше ничего.

Лестница здесь была одна, и на ней они никого не встретили. Технические, щитовая, склад: три двери, мимо которых они прошли.

— Что-то не так? — спросил Боб.

— Сквозняк. Для архива плохо, бумага сыреет.

Он ещё раз обвёл взглядом комнату. Стулья стояли симметрично. Крышка коробки лежала ровно. В пакете в корзине комок бумаги: один лист, может, два.

Джулиан отступил к двери, к корзине, и поднял глаза на трубы под потолком.

— Потолки какие? — спросил он.

— Два сорок. Где трубы, ниже.

— Вентиляция работает?

— Вон решётка, в дальнем углу. Гудит иногда. — Боб повернулся, чтобы показать.

Боб рассказывал про решётку, стоя к нему спиной. Джулиан наклонился, будто рассматривал пол у порога. Левая рука потянула край пакета, пальцы взяли лист, сложили, и лист ушёл в карман куртки. Когда Боб обернулся, Джулиан уже стоял прямо.

— Спасибо. Передам клиенту.

В коридоре Джулиан замедлил шаг у щитовой. Дверь была закрыта. За ней ровно гудело.

Наверху они ещё посмотрели помещение на втором этаже, и Джулиан сказал, что подумает. Боб пожал ему руку.

Машину он переставил через дорогу, носом к зданию, и заглушил двигатель. Отсюда были видны вход и парковка. Только тогда он достал листок.

Мятый, с надорванным краем. Мелкий чёрный шрифт с размытыми краями, как с плохого принтера. Вверху логотип: круг с линиями, похожий на паутину. Нижняя часть оторвана. Но одно имя уцелело, мужское, чёткое.

Дэниел Уайт.

Оно было зачёркнуто тонкой линией, аккуратно, как вычёркивают сделанное.

Он набрал номер, которого не было в контактах.

— Да, Джулиан. — Тоби ответил после первого гудка, будто ждал.

— Дэниел Уайт. Миннеаполис. Всё, что найдёшь. Быстро.

— Полчаса. Может, меньше.

Он смотрел на вход. Рубашки, портфели, бейджи на лацканах. Женщина с ребёнком зашла в стоматологию. Никто не торопился, никто не оглядывался. Джулиан думал о столе, который кто-то вытирал. О стульях, которые кто-то ставил ровно. О тёплой чашке.

Телефон зазвонил через двадцать минут.

— Есть, — сказал Тоби, быстрее, чем обычно. — В Миннеаполисе два Дэниела Уайта. Первому сорок шесть, строитель, пригород, чистый. Второму тридцать один, Филлипс, нигде не числится — ни налогов, ни пособий, — но тоже чистый. Ни приводов, ни связей. Я копнул шире, по стране. Есть третий.

Джулиан ждал.

— Дэниел Уайт, двадцать восемь лет. О-Клэр, Висконсин. Найден мёртвым в своей квартире четыре дня назад. Самоубийство. Компьютер — кирпич.

Тишина.

— Это пятый, — сказал Тоби тихо.

— Пятый, — повторил Джулиан.

Листок в кармане стал тяжелее, чем бывает бумага. А кто-то из тех, кто заходил на этот сервер, сидел с ноутбуком в двух кварталах от бара, где он позавчера пил бурбон.

— Джулиан? Ты здесь?

— Здесь. Тоби, мне нужно всё. Кто арендовал, кто платил, кто за ним. Не «Рэймонд», это псевдоним.

— В базе агентства он Рэймонд Кэрр, это я уже вижу. Дальше хуже: кто платит и кто за ним, там защита, которую я не знаю. Нужен человек на месте. Поищу. Но это не сегодня.

— Ищи. И, Тоби: про Уайта пока никому.

— Это улика, Джулиан.

— Поэтому и никому.

Он отключился, достал служебный телефон и набрал номер, который Лоу дал ему во вторник.

— Лоу.

— Кроу. У меня зацепка. Чикаго-авеню, цоколь офисного здания. Арендатор — Рэймонд Кэрр, договор через агентство, платежи идут через цепочку компаний. Мне нужен доступ к бухгалтерии агентства.

На том конце долго молчали. Лоу считал.

— Приходите в понедельник, — сказал он наконец, тихо и без радости. — Обсудим условия.

— Обсудим.

Лоу отключился первым.

Джулиан опустил телефон на колено. Пятый был его: лист в кармане, имя под линией.

Пять. Пятого нашли четыре дня назад. Если ритм сохранится, чей-то месяц уже идёт. Где-то в этом городе человек замолкает, продаёт вещи, возвращает долги. Он ещё не знает, что за ним смотрят.

Дракон под курткой молчал. Джулиан завёл двигатель, и BMW отозвался ровным плотным рокотом. Он выехал на Чикаго-авеню и поехал в отель. И всю дорогу в зеркале заднего вида качалась красная тряпка, хотя её там не было.

Глава 4. Спрячься

Ресторан назывался «Сполдинг»: деревянные столы, потемневшие от времени и чужих локтей, лампы тёплого жёлтого света, меню мелом на доске. Суп дня томатный, пирог с курицей, кофе в разных кружках, будто их собирали по одной у разных людей. Над стойкой горела табличка «Открыто круглосуточно», и у стойки дальнобойщик в бейсболке доедал пирог, не снимая куртки.

Джулиан сидел у окна и ждал, пока Тоби найдёт человека в агентстве. Кофе остыл. Он не ел. До дела он редко бывал голоден: голод приходил после.

За окном прошёл человек с собакой. Собака была старая, шла медленно, и человек ждал её на каждом шагу. Потом улица опустела: серое небо, мокрый асфальт, всё то, что город называл днём.

Телефон завибрировал на столе.

На экране одна буква — «А.». Всю неделю он не брал трубку, а до этого брат не звонил год. Джулиан перевернул телефон экраном вниз. Металл стукнул о дерево глухо, как крышка. Вибрация оборвалась.

Через минуту началась снова. Он смотрел в окно. На третий раз взял трубку, не сразу.

— Да?

На том конце молчали. Плотно, будто кто-то улыбался.

— Джулиан. — Низкий спокойный голос с ленцой, какая бывает у людей, которым некуда спешить: время работает на них. — Какие у тебя веские причины игнорировать мои звонки?

— Их несколько.

— Назови хоть одну.

— Не хотел.

Короткий одобрительный смешок, будто ему понравилось, что младший не размяк.

— Я вернулся в Вашингтон. Хотел встретиться. Ты бы знал заранее, если бы брал трубку.

— Я думал, Швейцария подходит тебе больше.

— Подходит. Туда я и вернусь. Но пока я здесь, тебе стоило бы познакомиться с моей невестой.

Джулиан смотрел на пустую кружку, на тёмное пятно кофе, расползшееся по дереву, как карта без названий.

— Она хорошая, — сказал Адриан. — Тебе понравится. Она не такая, как ты думаешь.

— Я ничего не думаю.

— Ты всегда что-то думаешь, Джулиан. Просто не говоришь. Это твоя главная проблема: молчишь, когда надо говорить, и говоришь, когда надо молчать.

Джулиан слышал, как брат дышит. Ровно. Адриан никогда не повышал голоса, даже в детстве. Он делал тише, и от этого становилось хуже.

— Ты в Миннесоте. Я проверял. Работа?

— Работа.

— У тебя всегда работа. Прилети на пару дней. Здесь нормальные люди, рестораны, театры. Ты помнишь, что такое театр?

— Помню.

— Тогда приезжай.

— Мог бы. Но не стану.

Молчание затянулось. Джулиан знал это молчание. Оно было у отца, оно было у брата, оно всегда длилось дольше, чем нужно, и в нём висело недосказанное. Висок под шрамом зачесался, будто голос приходил туда, куда когда-то приходило другое.

— Джулиан. — Голос стал твёрже. — Это не просьба. Твоё воспитание, как и раньше, оставляет желать лучшего. Не зря…

Дракон на плече стал горячим. Джулиан сбросил вызов.

Он положил телефон на стол. Экран погас. Руки не дрожали, дыхание не сбилось.

Брат был старше на шесть лет и с детства считал, что имеет право: на совет, на замечание, на руку. Всегда один и тот же ровный голос. Всегда «приезжай», «познакомься», «ты мог бы». Всегда молчание, в которое он вкладывал больше, чем в слова. Джулиан не помнил, когда это началось. Помнил только, что оно не заканчивалось.

Он посмотрел на правую руку: костяшки, старый белый шрам от удара обо что-то твёрдое. Хотелось ударить. Неважно кого — бить, пока в кулаке не останется ничего, кроме боли.

— Извините. Ещё кофе?

Официант, лет двадцати, в фартуке не по размеру, стоял в шаге от стола и смотрел с вежливой надеждой.

Джулиан не повернул головы.

— Спрячься, — сказал он сквозь зубы.

Официант замер. Открыл рот, закрыл. Попятился, развернулся и ушёл быстро, не оглядываясь. Дальнобойщик у стойки уткнулся в тарелку. Остальные сделали вид, что ничего не слышали.

Джулиан положил на стол купюры, не считая, больше, чем стоил кофе, и вышел. Холод ударил в лицо, и стало чуть легче. Не лучше. Чуть легче.

BMW стоял у тротуара. Он сел, закрыл дверь и не стал заводить мотор. Тишина в салоне была плотной, как вата. Он положил руки на руль и сжимал, пока кожа не заскрипела.

Адриану он не мог ответить ни ударом, ни словом. Телефон, голос, тысяча миль. Всё равно что драться с погодой.

Но злость требовала выхода, и он знал, что с ней делать. Знал лет с тринадцати.

Он открыл ноутбук на пассажирском сиденье и нашёл выборку Тоби. Одиннадцать имён. Убрал тех, кто жил дальше, чем в сотне миль, и тех, кто жил не один. Осталось трое.

Он читал их, как читают меню.

Злость была жаркой и тесной, она лезла в горло.

Третьим в списке стоял Грэм Холт, тридцать четыре года, тот, что улыбался на тюремном снимке. Четыре года за кибермошенничество: поддельные банковские кабинеты, чужие деньги. Вышел полтора года назад. Комната над прачечной в Филлипсе. Мать умерла, пока он сидел. Ни брат, ни сын не отвечали на письма. Куратор раз в неделю. Серверы, с которых Холт когда-то работал, стояли в том же районе.

Одинокий, с прошлым, которое не отмоешь, и с делом, которое при необходимости можно к чему-то подтянуть. Холт был в выборке с первого дня. Если кто-нибудь когда-нибудь спросит, почему именно он, ответ уже лежит в деле.

Джулиан открыл досье. Он читал его раньше, но теперь смотрел на другое. Дело было шире, чем мошенничество. Жена. Сын. Избиения. Часть эпизодов не доказали: не хватило свидетелей, жена забрала заявление, потом уехала в другой штат и сменила фамилию. Сын тоже молчал. Сам Холт за полтора года на воле успел напиться, подраться и провести ночь в участке — и снова вышел: адвокат, знакомые, тихие договорённости. Он не изменился. Он стал осторожнее.

Он был виновен. Не в том, что искал Джулиан, но виновен. Этого хватало.

Джулиан закрыл ноутбук.

Холт жил на втором этаже над прачечной-автоматом, которая гудела круглые сутки и пахла чужим бельём и горячим паром. Джулиан смотрел за ним два дня. В девять утра Холт выходил за хлебом, в двенадцать шёл к куратору, вечером сидел у окна и курил. Ни друзей, ни звонков. За два дня он заговорил только с продавцом в магазине, и разговор уложился в

шесть слов. По чёрной лестнице до полуночи таскали мешки из прачечной, после полуночи она пустела.

* * *

В субботу вечером Холт ушёл в магазин. Двери в таких домах открывались проще, чем люди думают.

В комнате было прибрано, как прибирают, когда боятся. Узкая кровать, застеленная по-армейски. Стол у окна с ноутбуком, который не включали. На полке детективы в мягких обложках — Паттерсон, Коннелли, Ли Чайлд, с загнутыми корешками. На стене фотография: женщина на кухне, в фартуке, оглядывается на камеру. Мать.

Джулиан ничего не искал. Он трогал вещи, чтобы запомнить, как они лежат. Зубная щётка в стакане, повёрнутая к стене. Блокнот на столе, раскрытый на списке: «Куртку. Телефон. Позвонить Дэну. Кофе». Третья строчка зачёркнута. Он провёл по ней пальцем.

Холт собирал по кусочкам нормальную жизнь. У него почти получалось.

Джулиан снял куртку, сложил и положил на край кровати. Сел на стул у окна. Стул скрипнул; он переставил его, чтобы не скрипел, и стал ждать.

Во дворе зажёгся фонарь. Гудела прачечная. Потом по лестнице пошли шаги — тяжёлые, усталые, шаги человека, который возвращается домой, потому что больше некуда.

Ключ повернулся в замке.

Холт вошёл боком, толкая дверь плечом, с пакетом в руке. В пакете что-то перекатывалось. Он не смотрел в комнату. Закрыл дверь, поставил пакет на пол и только потом поднял голову.

— Здравствуйте, — сказал Джулиан.

Холт не успел ответить.

Джулиан ударил сразу. Он не хотел, чтобы Холт успел позвать на помощь или начать договариваться. Не хотел давать ему шанс. Шанс — это надежда, а надежда делает людей громкими.

Кулак вошёл в челюсть снизу вверх, коротко и точно. Холт ударился спиной о дверь и сполз на пол. Глаза закатились. Пакет выскользнул из руки, и по полу покатилось яблоко. Оно докатилось до ножки стула и остановилось.

Джулиан постоял над ним. Холт дышал ровно и глубоко, как спящий. С губы к подбородку тянулась тонкая струйка крови.

Джулиан взял его под мышки — тяжёлого, обмякшего, как мешок с мукой, — оттащил от двери и усадил на стул. Голова упала на грудь. Джулиан взял его за волосы и прислонил затылком к спинке, чтобы тот не задохнулся. Он не хотел, чтобы Холт умер так. И не сейчас.

Стяжки — чёрные, пластиковые, для кабелей — он всегда носил с собой. Для другого. Сегодня пригодились для этого.

Щёлк. Щёлк. Руки Холта за спинкой стула. Он проверил: не слишком туго. Кровь должна поступать, руки не должны онеметь слишком быстро.

Потом сел на кровать напротив, чтобы Холт увидел его сразу, как откроет глаза.

Ждать пришлось недолго.

Холт открыл глаза, мутные, пустые. Дёрнул рукой, и стяжка впилась в запястье. Дёрнул снова. Замер. Поднял голову.

Джулиан сидел на кровати. Руки на коленях, спина прямая, лицо ровное.

Холт открыл рот, закрыл, сглотнул.

— Вы кто?

— Неважно.

— Что вам нужно?

— Чтобы ты слушал.

Холт попытался отодвинуться вместе со стулом. Ножки скрипнули по полу, стул качнулся и устоял. Холт смотрел на стяжки, на Джулиана, снова на стяжки, и лицо у него менялось. Грабители не связывают. Грабители не говорят «слушай».

— Кто вы? — прошептал он.

— Ты меня не знаешь и не узнаешь. Это неважно. Важно другое.

Джулиан говорил ровно и тихо, как с ребёнком, который не выучил урок.

— Ты сидел за мошенничество. Но дело было шире. Жена. Сын. Ты их бил. Ты пил, ты дрался. Ты снова попал в участок и снова вышел.

Глаза у Холта расширились.

— Я не…

— Молчи. — Без злости. — Я знаю, что часть эпизодов не доказали. Знаю, что срок смягчили. Знаю, что жена сменила фамилию, а сын не отвечает на письма. Я знаю больше, чем ты думаешь.

Страх на лице Холта сменился чем-то тяжёлым и тёмным. Перед ним была не полиция и не суд, и он это понял.

— Ты пришёл меня убить.

— Да.

— За что?

— Ни за что.

Холт моргнул. Раз, другой. И вдруг стал похож на ребёнка, который не понимает, за что его ударили.

— Что?

— Ты ничего мне не сделал. Ни мне, ни кому-то из моих. Ты просто оказался под рукой.

Джулиан сказал это без злости и без удовольствия. Как факт.

У Холта потекли слёзы. Вытереть их он не мог.

— Я не… Я изменился. Я…

— Нет, — сказал Джулиан. — Ты стал осторожнее. Блокнот. «Позвонить Дэну». «Кофе». Ты играешь в нормальную жизнь. Но не живёшь.

Холт замолчал. Во взгляде было всё сразу: ненависть, страх, мольба. А на самом дне — понимание.

Джулиан достал нож. Маленький, складной, с серебряной рукоятью. Отцовский. Щёлк. Лезвие блеснуло под лампой.

— Я не буду торопиться, — сказал он. — Обещаю.

Он не соврал.

Первый удар был медленным.

Нож вошёл в плечо, неглубоко, ровно настолько, чтобы пошла кровь. Холт вскрикнул коротко и сдавленно, как кричат во сне. Внизу гудела прачечная. Джулиан вынул нож и подождал, глядя, как по рубашке расползается пятно. Медленно. Ровно.

— Это не больно, — сказал он. — Пока.

Второй удар — в предплечье. Третий — в бок. Четвёртый — снова в плечо. Холт кричал, потом перестал: понял, что бесполезно. Он смотрел на Джулиана всё время, не отводя глаз, и в его глазах понемногу гасло всё — страх, боль, надежда.

Он ударил снова. И ещё. И ещё.

Крови было много. Тёплая, везде: на руках, на рубашке, на лице. Джулиан не отстранялся. Он был в ней целиком, как в воде.

Потом всё кончилось.

Он не помнил, как остановился. Рука просто замерла: лезвие упёрлось во что-то твёрдое, в ребро, наверное. Он вынул нож и смотрел, как с него капает на пол. Как из плохо закрытого крана.

Холт обмяк. Голова упала на грудь, кровь капала с подбородка на колени. Медленно. Ровно.

Джулиан стоял над ним и часто дышал, как после бега. Сердце билось где-то в горле. В голове было тихо. Голоса брата не было. Голоса отца не было. Ничего не было, только гул прачечной внизу.

Он опустился на пол рядом, в кровь. Пульс проверять не стал: он знал. Посмотрел на стол. На блокнот. На зачёркнутую строчку «Позвонить Дэну».

Он не знал, кто такой Дэн.

Он смотрел на эту строчку долго. Потом на фотографию. Женщина в фартуке. Мать, которая умерла, пока сын сидел. Которая не дождалась. Которая, наверное, писала ему письма.

Он встал и пошёл в ванную. Умывался холодной водой долго, пока вода не перестала быть красной. Посмотрел в зеркало. Зелёные глаза. Прямая спина. Шрам от виска к темечку. Лицо, которое могло принадлежать кому угодно. Кровь на воротнике. Он снял рубашку и свернул её в мусорный пакет.

Потом взялся за комнату. Под раковиной нашлись хлорка, тряпки и резиновые перчатки: Холт прибирал так, как прибирают, когда боятся. Холта Джулиан снял со стула и завернул в занавеску из душа. Он работал, пока пол не стал чистым, а хлорка не перебила запах крови. Яблоко он поднял и положил обратно в пакет.

Блокнот лежал на столе. Джулиан вырвал страницу, скомкал и сунул в карман.

Он вышел через час, с мусорным пакетом в руке. Куртка была тёмной, и это было хорошо: она ничего не помнила.

На улице было холодно и тихо. Голод пришёл, как всегда, сразу — резкий, звериный, такой, что сводило желудок. Джулиан нашёл круглосуточную забегаловку на Лейк-стрит, сел в углу и заказал бургер, картошку и шоколадный коктейль. Ел медленно, не поднимая глаз от тарелки. Руки лежали на столе, расслабленные и тяжёлые. Мясо было жирным и горячим. Он не думал ни о чём. Это тоже было частью.

По дороге обратно пакет с рубашкой ушёл в строительный контейнер за три квартала от забегаловки.

К утру у Холта будет объяснение: нарушил условия, исчез, ударился в бега. Тела никто не найдёт. А если когда-нибудь и найдут, это будет просто тело на заброшенном складе, и время смерти назовут неделями.

После полуночи, когда чёрная лестница опустела, он вернулся. Вынес тело во двор и перенёс на заброшенный склад за прачечной, в кирпичную комнату без окон, куда годами никто не заходил. Там держался холод. Прачечная гудела за стеной, и этот гул прикрывал всё. Джулиан постоял в дверях дольше, чем было нужно. Тихо, одному, среди чужого хлама, и никто не будет искать. Мысль была не про Холта. Он закрыл дверь.

В отеле он долго стоял под горячим душем, потом лёг. Смотрел в потолок, на трещину от светильника к стене. В голове было чисто. Голоса брата не было.

Телефон на тумбочке коротко мигнул.

Номер без имени. Одно слово.

Приезжай.

Джулиан не ответил. Выключил экран, положил телефон лицом вниз и закрыл глаза.

Он спал без снов.

Глава 5. Квартира 45

Он съехал из отеля на следующее утро после Холта. Дом снял за час, по одной из давно заготовленных схем.

Дом на Двадцать второй авеню был тише отеля. Светло-серый сайдинг, веранда с двумя стульями, квадрат травы, которая ещё держалась, но уже сдавалась жёлтыми пятнами, как веснушками. Внутри пахло краской и свежим деревом. Три спальни. Третью, самую маленькую, без окна, с вентиляционной решёткой под потолком, Джулиан осмотрел и сказал вслух, ни к кому не обращаясь:

— Кабинет.

Грузчики в одинаковых серых футболках занесли четыре коробки и два чемодана и уехали. Он не помогал. Запер дверь, прошёл в кабинет и открыл ноутбук. Экран мигнул и показал чёрный рабочий стол без значков.

Тоби прислал файл ещё утром. Джулиан открыл его не сразу. Сначала посидел, слушая, как дом привыкает к новому жильцу: потрескивание стен, далёкий гул холодильника, собственное дыхание. Тишина здесь была его. Это ему нравилось.

Цепочка платежей была аккуратной. Аренда комнаты B-7 на Чикаго-авеню шла через агентство «Нортстар Партнерс», пустышка за пустышкой, а в конце стоял счёт в миннесотском банке на имя Дэмиена Роу. «Рэймонд Кэрр» из договора не был ни Рэймондом, ни Кэрром. Прописку в Сент-Поле Роу давно снял, зато с марта на его имя числилась аренда квартиры, и платили за неё исправно, раз в месяц: Сорок пятая авеню, дом 1704, квартира сорок пять.

Досье было коротким. Три привода за два года. Три грамма метамфетамина в кармане куртки после драки в баре на Лейк-стрит: дело закрыто за недостаточностью доказательств. Мелкое хулиганство: кричал на офицера, отказывался предъявить документы, штраф. Сопротивление при задержании: бежал от патруля, дело передано в суд, отложено и закрыто «за недостаточностью ресурсов для преследования».

За фактами проступала структура: человек употребляет, попадается, выкручивается и снова употребляет. Наркотики были фоном. Причина пряталась где-то ещё и пока не показалась.

Джулиан закрыл ноутбук, снял со спинки стула пиджак и вышел.

Дом на Сорок пятой стоял в ряду таких же: три этажа кирпича, окна в белых рамах, один подъезд с домофоном и старой камерой над дверью. Мутный стеклянный купол, короткий угол обзора. Он отметил это сразу. Во дворе была детская площадка, пустая, с песочницей и качелями. Джулиан прошёл мимо, не повернув головы.

К шести ветер стих. Воздух пах остывающей после тёплого дня землёй и далёким дождём. Он оставил BMW через дорогу, напротив двора, и пошёл к подъезду, на ходу застёгивая пиджак.

Сначала он услышал звук: короткий сдавленный выдох. Джулиан не остановился, но замедлил шаг.

У стены рядом с мусорным баком стояли двое. Мужчина лет тридцати пяти, коренастый, бритый наголо, с перебитым носом и золотой цепочкой поверх воротника. Дорогая куртка, тесная в плечах. Лицо спокойное, будто он делал работу. Он держал девушку за горло и давил всем весом, всей рукой, прижимая к кирпичу так, что у неё выгибалась спина и задирался подбородок. Она уже не стояла, её держали. Рот был открыт для вдоха, который не проходил. Широко раскрытые тёмные глаза, и в них ярость. Пальцами она цеплялась за его запястье, ногти рвали кожу, и каждый раз, когда она дёргалась, он давил сильнее.

У её ног стояли две сумки, набитые так, что молнии не сходились: спортивная с порванной ручкой и обычная серая.

Джулиан подошёл ровным шагом.

— Какие-то проблемы?

Мужчина обернулся не сразу: сначала дожал, потом повернул голову. Глаза трезвые, спокойные.

— Слышь, иди куда шёл. Ты что, коп?

— Что-то вроде.

Тот рыкнул, но Джулиан уже сделал короткий быстрый шаг. Ребро ладони легло на запястье точно между костями, и хватка пропала. Девушка осела к стене и закашлялась, сухо и коротко. В следующую секунду рука мужчины оказалась заломлена ему за спину. Джулиан не тратил силы: рычаг, точка опоры, угол — механика, не мускулы. Мужчина сам согнулся вперёд, потому что иначе было больно.

— Ты знаешь, кто я? — прошипел он. — Я Чет Моррисон. Её дружок мне двадцать восемь штук должен, и пока он прячется, платить будет она.

— Мне всё равно, кто ты, — сказал Джулиан тихо, почти ему в ухо. — Мне всё равно, кого ты знаешь и что скажешь. Если я увижу тебя ещё раз, где угодно, я найду твою мать. Найду твою сестру. Всех, кого ты любишь. И объясню им, кто ты. Не полиции. Им, лично.

Чет дёрнулся. Захват не поддался.

— Ты псих.

— Да, — согласился Джулиан и разжал пальцы.

Чет качнулся вперёд и схватился за плечо. Посмотрел на Джулиана так, как смотрят на того, кто играет по другим правилам. Хотел что-то сказать, открыл рот, закрыл. Скользнул пустым взглядом по девушке и ушёл быстрым шагом, не оглядываясь.

Девушка отступила от стены. Подняла руку к горлу и коснулась его — быстро, лёгкими пальцами, будто проверяла, всё ли на месте. На шее, на прозрачной леске, висел чокер с маленьким белым камнем. В носовой перегородке блестело тонкое серебряное кольцо. Смотрела она Чету вслед. Лицо, походка, куртка — она запоминала, и жертвы в этом не было ни на грамм.

Дышала она тяжело, руки дрожали. Через секунду-другую она прижала ладони к бокам. Джулиан заметил.

— Всё хорошо? — спросил он.

— Да, всё хорошо. — Голос был ровный, слишком ровный, будто она держала его руками.

Она достала из кармана телефон, взглянула на экран и сунула обратно.

— Такси через минуту, — сказала она. — Спасибо. Вы из полиции?

Спрашивая, она смотрела на улицу, туда, где исчез Чет.

— Да.

Такси подъехало через минуту: белая машина с шашками на крыше, старая, с царапиной на бампере. Джулиан открыл заднюю дверь, взял сумку с порванной ручкой, поставил на сиденье, потом вторую. Девушка стояла рядом и смотрела, как он укладывает её вещи.

— Вы из этого дома? — спросил он, пока она садилась.

Она остановилась: одна нога уже в машине, другая на тротуаре. Посмотрела на подъезд.

— Нет. Уже съехала.

— Понял. А сорок пятая квартира в этом подъезде?

Она нахмурилась и посмотрела на него чуть дольше, чем нужно.

— Да, в этом.

Он кивнул и закрыл дверцу. Такси тронулось. Он смотрел ему вслед, пока машина не свернула за угол.

Потом повернулся к подъезду.

Лестница была чистой и пахла краской и чем-то цветочным. Крашеные стены, гладкие деревянные перила. На втором этаже окно во двор и горшок с засохшим цветком на подокон-

нике. На третьем дверь сорок пятой: деревянная, с глазком, номер приклеен криво. Он позвонил один раз.

Шаги были медленные, тяжёлые — от возраста, а не от веса. Щёлкнул замок, дверь приоткрылась на треть. В щели показалась пожилая женщина лет шестидесяти пяти: короткие седые волосы, морщинистое жёсткое лицо, маленькие светлые глаза. Розовый махровый халат, тапочки без задников.

— Чего вам?

— ФБР. Специальный агент Джулиан Кроу. Можно войти?

Она посмотрела на жетон, на него, снова на жетон. Открыла — скорее от усталости, чем из доверия.

Он вошёл и оглядел коридор. Пустая вешалка, мутное зеркало. Запах старый, но не грязный.

— Вы здесь одна живёте?

— Я тут не живу! — почти выкрикнула она. — Я этажом ниже. Квартиру сдавала.

Он посмотрел на неё, ожидая продолжения. Она поджала губы и вздохнула.

— Парню сдала. Съехал месяца два назад, а девушка его осталась. Тихая такая, платила вовремя, мне больше ничего не надо. Сегодня и она съехала. Минут десять назад, может, пятнадцать. Собрала вещи и ушла. Я думала, за остальным вернётся, а она всё сразу забрала. Вот, пришла посмотреть.

Девушка. Десять минут назад. С вещами.

Он не пошевелился, лицо не изменилось.

Порванная ручка. Две сумки, набитые так, что не сходились молнии. Чокер. Белый камень. Септум. Руки, срывавшие чужие пальцы с горла. «Да, в этом».

— Как её зовут?

— Алиса. Я только имя знаю.

Имя ему ничего не говорило. Говорило другое: десять минут назад.

Она стояла рядом, пока он укладывал её сумки. Сказала «спасибо». Спросила «вы из полиции?» и посмотрела чуть дольше, чем нужно. Она его проверяла. А он не услышал.

Спина оставалась прямой, дыхание ровным.

Он сам усадил её в такси. Своими руками поднял сумки, открыл дверь, закрыл дверцу и смотрел, как она уезжает. Девушку из квартиры, которую он искал.

Он спустился и вышел на улицу. Пустой тротуар, пустой двор, пустая улица. Такси растворилось. Номера он не запомнил. Белая машина, шашки, царапина на бампере — таких в городе сотни. Он, который запоминал всё.

Джулиан стоял посреди тротуара. Ветер дул в лицо, он не отворачивался.

— Чёрт, — сказал он тихо.

Он сел в машину и не стал заводить мотор. Сидел и смотрел на руль, на свои руки, которые десять минут назад держали сумки незнакомки. Незнакомки, которая была Алисой.

За оградой через дорогу темнела площадка с пустыми качелями. Он смотрел на неё долго. Никто не качался. Но цепи, казалось, ещё чуть-чуть покачивались.

Он завёл двигатель. BMW отозвался плотным безразличным рокотом. Машине было всё равно, кого он только что упустил.

Джулиан поехал. Не домой и не в участок. Бак показывал четверть, когда он понял, что едет без цели, и не свернул.

Глава 6. Натали

В понедельник Лоу принял его сразу, без секретаря и без ожидания, и это само по себе было сообщением.

— Садитесь, агент Кроу.

Джулиан сел. Портфель на коленях, закрыт. Лоу не торопился: перекладывал на столе бумаги так, чтобы совпадали края, и смотрел поверх очков.

— Вы говорили о зацепке. Цоколь на Чикаго-авеню, арендатор Рэймонд Кэрр. Я навёл справки: договор через агентство, платежи идут через цепочку компаний. Это не пустяк. Но и не то, что выдержит суд.

— Пока.

— Пока. — Лоу постучал пальцем по столу, один раз. — Но зацепка есть, а раз она есть, работайте, как работаете. Сроков больше не ставлю. Отчёты по пятницам. И вы работаете с детективом Колдуэллом.

— Работаю.

— Не рядом. С ним. В одной связке.

— Согласен.

Лоу посмотрел на него дольше, чем следовало.

— Вы ответили слишком быстро.

— Я быстро думаю.

— Этого я и боялся, — сказал Лоу и вернулся к бумагам.

В коридоре Джулиан на секунду остановился. Лоу понял и не стал настаивать. Джулиан это запомнил.

Рей сидел за своим столом и ел что-то из бумажного пакета. Поднял глаза, когда Джулиан остановился рядом.

— Лоу сказал, мы работаем вместе.

— Я слышал. — Рей вытер пальцы салфеткой. — Он мне вчера звонил. Дважды.

— Комнату В-7 на Чикаго-авеню арендует человек по имени Рэймонд Кэрр. Договор через агентство «Нортстар Партнерс», платежи через цепочку компаний. Фамилия, возможно, ненастоящая. Адреса нет, телефон молчит.

Он назвал одно имя и больше ни одного. Про Дэмиена он не сказал.

— Кэрр, — повторил Рей, записывая. — Не самая частая фамилия. Подниму документы по агентству.

— Я зайду с другой стороны.

— Берём вдвоём, когда будет адрес?

— Конечно. Вы местный, без вас меня в Филлипсе остановят в первый же час.

— Позвоните, когда соберётесь выезжать?

— Позвоню.

Рей кивнул и вернулся к своему пакету.

* * *

Сообщение от Тоби пришло вечером, около десяти, когда Джулиан сидел на веранде нового дома.

Твой Дэмиен только что расплатился картой в баре. Schooner Tavern, 2901 27th Ave S. 21:47.

Он посмотрел на адрес, потом на часы. Выезжать нужно было сейчас.

Рею он не позвонил.

* * *

«Скунер» стоял на углу Двадцать седьмой и Восточной Лейк-стрит: приземистый, кирпичный, с вывеской, которую не меняли лет тридцать. Буквы облупились, но читались. Окна были завешены изнутри чем-то плотным, похожим на старые одеяла. Из-за двери доносились телевизор, чей-то смех, стук бильярдных шаров.

Он оставил машину через дорогу, под деревом, которое уже начало желтеть, и посидел минуту, глядя на дверь. Потом вышел.

Внутри было темнее, чем на улице, и пахло пивом, жареным и старым деревом. Стойка тянулась вдоль левой стены, за ней полки с бутылками, подсвеченные двумя лампами. Справа столики, в углу бильярд, над стойкой телевизор. Бармен, крупный, лысый, с бородой, протирал стакан. Двое играли в бильярд, ещё трое сидели у стойки.

Дэмиен был в дальнем углу, за последним столиком, спиной к стене. Перед ним почти пустая бутылка пива и телефон в руке. Он что-то печатал, останавливался, стирал, печатал снова.

Джулиан узнал его сразу. Утром Тоби скинул фото с камеры наблюдения, размытое: узкое лицо, тёмные волосы, зачёсанные назад, куртка не по размеру. Сидел Дэмиен так, как сидят люди, которые не хотят, чтобы их видели: в углу, спиной к стене, лицом к выходу. Только на выход он не смотрел. Смотрел в телефон.

Джулиан прошёл через зал, не спеша. Бармен поднял глаза, оценил его и кивнул. Джулиан не ответил. Сел рядом с Дэмиеном, на соседний стул, лицом к двери.

— Ты Дэмиен Роу?

Пальцы продолжали печатать.

— Я задал вопрос.

— Я слышал.

— Тогда ответь.

Дэмиен отложил телефон, медленно повернулся и оглядел его.

— А ты кто? Коп?

— Хуже.

Дэмиен криво усмехнулся и отхлебнул пива.

— Мне по хрену, кто ты. Иди своей дорогой.

Джулиан смотрел на его правую руку: татуировки на костяшках, старые тёмные ссадины. Руки, которые знали, что такое бить.

— Офисное здание на Чикаго-авеню. Цоколь, последняя дверь направо. Ты за неё платил каждый месяц, без задержек.

Дэмиен замер. Дольше, чем следовало. Потом откинулся на спинку стула, нарочито расслабленно.

— Ну, допустим. И что?

— Зачем тебе эта комната?

— Не твоё дело.

— Теперь моё.

Дэмиен хмыкнул, допил и поставил бутылку на стол, громко, со стуком.

— Слушай, ты. Я туда не хожу. Я снял, и всё.

— Тогда зачем?

— Меня попросили.

— Кто?

— Отвали.

Джулиан встал. Дэмиен напрягся, но не двинулся. Джулиан наклонился к нему, так, чтобы слышал только он.

— Выйдем.

— Никуда я не пойду.

Джулиан взял его за плечо, без грубости. Пальцы легли на ключицу, чуть выше воротника. Дэмиен дёрнулся, пытаясь сбросить руку, но плечо не поддалось.

— Убери руку! — сказал Дэмиен громче, чем следовало. — Убери, я сказал!

Бармен поднял голову. Двое у бильярда обернулись. Один положил кий на стол.

Джулиан сжал сильнее. Дэмиен поморщился. Под пальцами затрещала ткань куртки.

— Ещё слово, — сказал Джулиан тихо, — и я тебя вынесу.

— Да пошёл ты.

Джулиан ударил коротко, в живот, под рёбра. Не в полную силу, ровно настолько, чтобы вышел воздух. Дэмиен сложился. Рот открылся, но звука не было, только резкий судорожный выдох. Он схватился за живот обеими руками.

Упасть ему Джулиан не дал. Взял левой рукой за ворот куртки, за шиворот, как берут мешок с мусором, дёрнул вверх и потащил к выходу.

Дэмиен цеплялся за всё подряд. За край стола: стол поехал, бутылка упала, пиво растеклось. За спинку стула: стул опрокинулся. За чью-то куртку на вешалке: вешалка качнулась и устояла. Ничего не держало. Джулиан шёл, не сбавляя шага, и остановился только раз, когда Дэмиен зацепился ногой за ножку бильярдного стола. Джулиан дёрнул сильнее, нога соскользнула, Дэмиен вскрикнул.

Бармен шагнул было из-за стойки. Джулиан коротко посмотрел на него, без угрозы. Бармен остановился и ничего не сказал.

Дверь открылась, улица ударила холодом. Джулиан выволок Дэмиена на тротуар, за угол, к глухой стене. Ни камер, ни людей. Мусорный бак, лужа и фонарь, отражённый в ней жёлтым пятном.

Он отпустил ворот. Дэмиен упал на колени и схватился за живот. Дышал хрипло и часто, на губе висела слюна.

— Ты… псих, — выдохнул он.

Джулиан стоял и ждал.

Дэмиен поднялся медленно, держась за стену, пальцы скользили по кирпичу. В глазах была уже не злость. Ненависть. Та, что ищет выход.

— Ты что, бог? — сказал он. Голос дрожал. — Решил, что можешь вот так…

Первым ударил Дэмиен. Кулаком в лицо. Джулиан отклонился, костяшки скользнули по скуле. Дэмиен замахнулся снова, шире и злее. Джулиан поймал руку на лету, перехватил запястье, крутанул. Дэмиен вскрикнул, коротко, сдавленно.

Джулиан завёл ему руку за спину. Медленно, чтобы тот почувствовал. Дэмиен согнулся, щекой к кирпичу. Попытался вырваться, дёрнул плечом. Джулиан надавил сильнее. Дэмиен замер и задышал через нос, часто.

— Ещё раз, — сказал Джулиан тихо. — Зачем тебе эта комната?

— Я не знаю! — почти закричал Дэмиен. — Меня попросили! Она попросила!

— Кто?

— Бывшая! Алиса!

Джулиан отпустил его. Дэмиен сполз по стене, развернулся и сел на асфальт, баюкая руку. Смотрел снизу вверх и ждал. Не удара, чего-то другого.

— Алиса, — повторил Джулиан.

— Да. Она. Сказала, что нужно место. Что-то хранить. Я снял, подписал, что дали. Она платила. Я туда не ходил. Вообще не понимал зачем. Она сказала «надо», я сказал «ладно». — Он сглотнул. — Мне вообще не до неё. Я одному человеку должен. Много. Он меня закопает.

— Фамилия.

— Не знаю. Не говорила.

— Чем она занимается?

— Что-то с компьютерами. Я не лез.

Джулиан шагнул к нему. Дэмиен вскинул здоровую руку ладонью вперёд.

— Не надо. Номер есть, в телефоне. — Он зашарил по карманам, нервно, быстро. Сунул руку во внутренний и замер.

— Что там?

— Ничего.

— Руку.

— Ничего там…

Джулиан не стал ждать. Наклонился, отвёл его руку и распахнул куртку. Во внутреннем кармане лежал телефон с треснувшим углом. А на подкладке белел порошок.

Пакет порвался, и кристаллы рассыпались по шву. Они блестели в свете фонаря, как соль.

— Мет?

— Не твоё дело.

— Теперь моё.

Он взял телефон и вытер экран ладонью. Порошок остался на пальцах. Он не стряхнул.

— Разблокируй.

Дэмиен ввёл пароль дрожащими пальцами.

Джулиан открыл контакты. Алиса, без фамилии, номер. Он переписал его в заметки и пролистал дальше.

— Подруги у неё есть?

— Натали. Одна.

— Адрес.

— Не помню.

Джулиан поднял руку. Дэмиен зажмурился.

— Хеннепин! — сказал он быстро. — Или рядом. Старый дом, без лифта, третий этаж. Я был один раз, пьяный. Номер не знаю.

Джулиан опустил руку и нашёл контакт «Натали». У номера была фотография. Он открыл её.

Рыжие волосы чуть ниже плеч, не убраны, лежат, как лежится. Левое плечо открыто. Карие смешливые глаза смотрели в камеру так, будто камера была с ней знакома. Её сняли на вечеринке или на улице: она смеялась, запрокинув голову, и откидывала волосы со лба. Этот жест он видел неделю назад. Так она делала, когда ей было хорошо.

Кейт.

Не «Натали». Кейт, которая сидела в баре за три стула от него, смотрела на него в зеркало и называлась с запинкой в полвдоха. Она сказала, что у неё никого нет. Он не поверил. Теперь выходило, что она не солгала — по крайней мере, в этом. Может быть, и звонок, который она тогда накрыла ладонью, был не от мужчины.

— Что? — спросил Дэмиен. Голос был уже не злой и не наглый, а осторожный. — Ты её знаешь?

— Нет, — сказал Джулиан. — Имя слышу первый раз.

Он не лгал. Он её не знал. Знал бокал с прозрачным, царапину на запястье и кота Майкла. Это было мало. Но больше, чем он знал о ком-либо за последние годы.

Он убрал телефон Дэмиена в карман.

— Тебе он пока не нужен.

Дэмиен сидел на асфальте, привалившись к стене. На скуле, там, где его вжали в кирпич, подсыхала ссадина. Порошок блестел на подкладке.

— Мудак, — сказал он Джулиану в спину.

Джулиан остановился, через шаг. Развернулся. Подошёл. Дэмиен смотрел снизу, пусто и беспомощно.

Джулиан ударил ногой, сбоку, под рёбра. Дэмиен охнул, сложился и повалился набок, головой к мусорному баку.

Джулиан постоял над ним. Дэмиен дышал. Джулиан развернулся и пошёл к машине.

Сел за руль, завёл двигатель. Скула, по которой прошлись костяшки Дэмиена, горела, но он этого почти не чувствовал. В голове было и пусто, и слишком тесно. Алиса. Цоколь. Натали. Кейт. Имена вставали в ряд, как цифры на замке. Комбинации он не знал. Но знал, что она есть и что она рядом.

Он достал телефон Дэмиена, открыл контакт и ещё раз посмотрел на фотографию. Потом открыл свои заметки и дописал:

Натали. Хеннепин, старый дом, 3 этаж. Подруга. Кейт?

И ниже, помедлив:

Не ошибся.

Это слово он стёр.

Мир тесен, — подумал он. Или это он сам сделал его таким тесным.

План сложился, пока он ехал. Простой, тихий, даже ленивый. Салфетку с её номером он выбросил в то утро. Теперь тот же номер нашёлся в телефоне Дэмиена. Он переписал его к себе, и подход был готов. Не нужно искать дорогу к Алисе, когда её подруга ходит по Хеннепин с кошачьей царапиной на запястье. Он напишет ночью. Скажет, что потерял номер и нашёл через общих знакомых: ложь слишком лёгкая, чтобы её проверять. Пара слов, и она сама приведёт его к нужной двери.

Он любил такие ходы. Никто не взламывает дверь, которую ему открывают сами.

Дракон на плече лежал спокойно.

Глава 7. Лисса

Она проснулась от тишины. Такая бывает только в квартире, куда въехала в воскресенье и которая ещё не успела пропитаться чужими звуками. Над головой лениво крутился вентилятор, который она забыла выключить, и его лопасти отбрасывали на потолок дрожащие тени. Алиса лежала, не открывая глаз, и слушала, как этот механический гул спорит с улицей: далёкий гудок, чей-то смех, лязг мусорного бака. Всё это принадлежало другому миру, тому, где люди живут по расписанию, пьют кофе из красивых кружек и не прячут в шкафу флешки с чужими жизнями.

Она села резко, без разминки, как человек, который знает: дашь себе ещё минуту, захочется снова лечь. Квартира была крошечной, ровно такой, чтобы чувствовать себя в ней не гостьей, а хозяйкой, если не делать лишних движений. Кухонный стол заменяла барная стойка с двумя стульями, один завален вещами: старая куртка, наушники с перемотанным скотчем проводом, пачка жвачки и что-то ещё, что она уже не помнила, зачем принесла.

Она открыла ноутбук. Экран вспыхнул белым в полутёмной комнате. Почта: три письма, два мусор, одно от клиента, которого она не помнила. Не открыла. Банк: мелкие транзакции, пятьсот, тысяча двести, восемьсот, двести. Потом крупная. Потом ещё одна. Она смотрела на цифры и не считала. Когда всё закончится с Холлисом, она уедет из города на время. Не навсегда: у неё была Натали, и это держало. Просто передохнуть от дома, от подвала, от людей. Она не решала это, просто знала.

Включила музыку, что-то громкое, без слов. Не для настроения: чтобы не слышать соседа сверху. Он ходил.

Под душем она стояла долго. Вода обжигала до красноты, стекала по плечам и смывала вчерашнее. Она стояла, закрыв глаза, и слушала, как шумит вода. Это был единственный звук, который не требовал ответа.

В воскресенье у подъезда она не успела вдохнуть. Это она помнила точнее всего: не боль, а то, как воздух закончился. Чет пришёл около шести: Дэм задолжал ему двадцать восемь тысяч, и Чет решил, что платить будет она. Увидел сумки и сказал, что она никуда не денется. Он говорил это почти ласково, и именно поэтому она знала, что дальше будет рука на горле.

А потом пришёл тот.

Светловолосый, высокий, в пиджаке, который стоил больше, чем всё, что лежало в её сумках. Подошёл так, будто у него впереди всё время мира. Одним движением снял с неё руку, которую она не могла оторвать. Сказал Чету что-то, от чего тот посерел. Потом усадил её в такси, сам, своими руками, и спросил про сорок пятую квартиру.

Она вытерла волосы полотенцем. Люди, которые помогают, не спрашивают про квартиру. Они спрашивают «вы в порядке?».

Телефон лежал на стойке экраном вверх. Стекло треснуло так, что казалось, будто по нему прошёлся нож: неровно, паутиной мелких линий. Она набрала Оскара. Он ответил почти сразу, будто ждал.

— Привет, Лисса.

— Алиса.

— Лисса звучит.

— Не звучит. Ты в офисе?

— Пока да. А что?

— Я телефон разбила. Еле работает. Сможешь починить?

— Работы куча, но принеси, посмотрю. Быстро не будет. Могу дать какой-нибудь на замену.

— Давай.

— Расскажешь, как разбила?

— Чет его в стену швырнул.

— Какой Чет?

— Тот, которому Дэм должен.

Пауза. Короткая.

— Ясно. Я рад, что вы расстались.

— Угу. Я забегу завтра.

— Давай.

Она бросила телефон на стойку. На сумке висел мягкий нелепый брелок. Она не помнила, откуда он. Но он был, и она его не снимала.

Оделась: джинсы, футболка, куртка. Всё серое или чёрное. Чокер на месте. Его она давно не замечала. Мокрые волосы не стала сушить, накинула сумку на плечо, положила туда ноутбук. Ключ щёлкнул. Она не обернулась.

* * *

Офис Кита находился в подвале обычного жилого дома. Не бизнес-центр, не стеклянный куб: здесь стены помнили каждый шаг, а воздух пах пылью и дымом. Комната на Чикаго-авеню, которую Дэм снял на своё имя, была оплачена до конца месяца, и иногда Алиса ещё сидела там. Но с тех пор как ушла от Дэма, чаще работала здесь. Лестница была крутой, ступени стёрты посередине. Алиса спускалась и считала шаги не ради счёта, а чтобы не думать.

Кит сидел за своим столом и что-то печатал. Поднял глаза, кивнул. Лишние слова им были не нужны.

— Привет, Лисса. Обычно ты раньше шести не приходишь.

— Я переехала. Сейчас ближе добираться.

Она села за свой стол, включила ноутбук, подключила к компьютеру. Провода, разъёмы, экран. Всё на месте. Кроме одного.

— Кит.

— М?

— Ты рылся в моём компьютере?

Он не обернулся.

— Мой завис. Забыл предупредить.

— И ещё, — добавил он. — Вчера приходил лысый, с цепочкой. Спрашивал про Дэма и про тебя.

— Дэм мне не должен, и я ему не должна.

— Он считает иначе. Двадцать восемь штук.

— Двадцать восемь тысяч не моя проблема. Даже если бы они у меня были.

Кит пожал плечами. Он знал, что они у неё есть. Он знал и то, что она не заплатит: из принципа, а не из жадности.

Она закатила глаза и ничего не сказала. Открыла почту. Ответила на два письма. Заказ от строительной компании, вторая фирма, конкуренты первой: нужна информация, особенно та, что сможет скомпрометировать. Чем быстрее, тем лучше. Она написала: *В течение недели*. Закрыла. Не её дело. Просто работа.

Потом открыла другую папку. Не почту и не заказ. Своё.

На экране появилась таблица. Не красивая, без цветов: даты, имя, колонки с короткими пометками. Вверху: «Холлис. День четвёртый». Она читала снизу вверх, как читают чужую жизнь.

Он перестал отвечать на личные сообщения. Вчера отменил эфир, сославшись на «технические причины». Ночью в его окнах долго горел свет, а в сети появлялся и пропадал, будто

пытался решить, стоит ли возвращаться. Всё это она отмечала в таблице, как отмечают погоду. Месяц не любит спешки. Человек не ломается за один день. Он начинает слышать то, чего раньше не слышал, и считать то, чего раньше не считал.

Она открыла другую вкладку. Фотографии.

Грант Холлис на сцене, с микрофоном, в свете софитов. Грант Холлис в студии, в наушниках, перед подкастом. Грант Холлис на обложке книги: руки сложены, улыбка ровная, глаза добрые. Грант Холлис на благотворительном вечере, с бокалом, рядом с кем-то важным. Фонд, который он основал, назывался «Безопасный дом». Он выступал на конференциях. Рассказывал, как защищать детей. Зал аплодировал стоя.

Она долго смотрела на улыбку. Белые зубы. Всё правильно.

Последней она открыла вторую папку, в которую входила только она. Четыре видео. Его облако, его камера, его даты: Холлис снимал сам. Она открыла первое, выключила звук.

В кадре была комната. Не подвал: обычная комната, с кроватью, с окном, занавешенным плотной шторой. Свет — от одной лампы на полу. Камера на штативе, чуть выше уровня кровати. Хорошая камера. Дорогая. Она знала эту марку.

На кровати лежала девочка. Лет двенадцать. В школьной форме. На спине. Руки вдоль тела, ладони вверх. Голова чуть повёрнута набок. Глаза закрыты. Она не спала. Она была в отключке. Алиса знала это по тому, как лежала рука: не расслабленно, а брошенно. Как у человека, которого положили. И по тому, как приоткрыт рот. И по тому, что она не сглотнула ни разу за всё время, что Алиса смотрела.

Он вошёл в кадр. Со спины. Высокий, широкоплечий. Она не видела лица: только затылок, воротник рубашки, руки. Он подошёл к кровати. Постоял. Смотрел на неё сверху. Долго. Как смотрят на что-то, что принадлежит тебе. Потом сел рядом. На край. Не торопясь.

Он положил руку ей на колено. Просто положил. Подержал. Потом повёл вверх. Под юбку. Медленно. Как будто изучал. Девочка не двинулась. Не могла. Он наклонился, поправил её ногу — развернул колено наружу, чтобы было удобнее. Она осталась лежать так, как он её положил. Рука вверх, ладонь вверх. Голова набок.

Потом он вернулся к груди. Расстегнул блузку — сверху вниз, пуговицу за пуговицей, спокойно, как расстёгивают рубашку перед сном. Отвёл ткань в стороны. Посмотрел. Долго. Потом положил ладонь. Накрыл. Подержал. Сжал. Медленно, как будто запоминал форму. Девочка не реагировала. Лицо было пустым. Как у куклы. Глаза закрыты, рот приоткрыт, ни одной мысли, ни одного движения.

Он встал. Подошёл к камере. Снял её со штатива. Вернулся. Сел на кровать рядом с девочкой, спиной к изголовью. Камера теперь была в его руке: крупно, чуть дрожаще. Он навёл её на девочку. На грудь. На живот. Потом ниже — на колени. Потом снова на лицо. Девочка не реагировала.

Он положил камеру на кровать, рядом с ней. Так, чтобы объектив смотрел на него. Потом расстегнул ремень. Медленно. Потом молнию. Потом достал себя. Он не смотрел на девочку. Он смотрел в камеру. На себя. Как будто снимал для себя. Как будто хотел запомнить своё лицо в этот момент.

Он продолжил сам. Ровно, размеренно. Как будто делал зарядку. Потом быстрее. Смотрел в камеру. Дышал через нос. Потом закрыл глаза. Потом открыл. Посмотрел на девочку. Не на лицо — ниже. На грудь. На колени. Как будто проверял, что она всё ещё там. Что она всё ещё его. Потом снова в камеру. И кончил. На её живот. На бедро. На кожу. Не на лицо. Не на одежду. Туда, где потом можно было вытереть одним движением. Он был осторожен.

Он встал. Взял камеру. Навёл на девочку. Она всё ещё лежала. В той же позе. Рука вверх, ладонь вверх. Голова набок. Глаза закрыты. На животе — пятно. Он снял её крупно: сначала лицо, потом грудь, потом пятно. Потом выключил камеру.

Видео закончилось. Экран почернел.

Алиса не отвела глаз и не почувствовала тошноты. Это было частью того, что она знала о себе: она могла смотреть, потому что не чувствовала так, как другие, и знала это. Она умела использовать то, чего у неё не было.

Она закрыла окно. Не сразу: через секунду. Откинулась на стуле и посмотрела в потолок. Он был низкий, серый, в разводах. Она смотрела на него долго. Потом выпрямилась, вернулась к фотографии, где он на сцене. Улыбка. Белые зубы.

Взяла стикер, написала: «Холлис». Положила под клавиатуру.

В другой вкладке она вбила: вызовы 911, район Сорок пятой авеню, воскресенье, вечер. Лог службы полиции. Окно доступа открылось быстро: система была старой, дверь в неё давно приоткрыта. Она пролистала. Драка у бара, кража из машины, шум. Ничего про Сорок пятую авеню. Ни вызова, ни рапорта, ни фамилии офицера.

Она переключилась на камеру над подъездом. Старая, купольная, мутное стекло, угол короткий. Но кадр был. Размытое светлое пятно, высокая фигура в пиджаке, лицо повёрнуто вполоборота. Она увеличила, сохранила. Он стоял, глядя на подъезд, секунды четыре, потом пошёл к двери.

Человека, которого нет в системе, не бывает. Бывает человек, которого система не хочет показывать. Либо детектив вне службы, либо не полицейский вообще. Она не любила, когда в её жизни появлялись люди без записей.

Закрыла вкладку. Положила скриншот в папку «потом».

Кит ушёл, не попрощавшись, она не заметила. В подвале стало темнее. Она не включала свет. Только экран, он светил на её лицо, бледное, без выражения. Она закрыла ноутбук и взяла сумку. Вышла.

На улице было холодно. Она закурила. Дым шёл вверх, в темноту. Она не пошла домой. Повернула на восток.

* * *

Натали жила в старом доме на Хеннепин, третий этаж, без лифта. Алиса поднялась, не считая ступеней. Позвонила. Дверь открылась почти сразу, как будто Натали ждала, хотя не ждала: просто у неё всегда было открыто.

— Ты.

— Я.

Натали отступила. Алиса вошла, не сняла куртку и не разулась, прошла в комнату.

Натали была в старой серой футболке, растянутой, с пятном от кофе на груди. Волосы в небрежном пучке, из которого выбивались пряди. Без макияжа, бледная, под глазами тени: не от усталости за день, а от усталости за месяцы. На диване смятый плед. Рядом закрытый ноутбук, недопитая кружка. Она убрала ноутбук на пол, освободила место. Села, поджав ноги. Алиса села рядом, но не вплотную: на расстоянии ладони.

Натали взяла пульт.

— Что смотрим?

— Всё равно.

Включила что-то старое, чёрно-белое. Она любила старое. Алиса смотрела в стену.

— Ну как переезд? — спросила Натали. — Рассказывай!

— Нормально.

— Квартира как, не страшная?

— Маленькая.

— Уютная?

— Не знаю. Я там сплю.

Натали хмыкнула и замолчала. Мужчина на экране что-то говорил женщине, женщина не отвечала. Прошло минут пять, может, десять.

— Я подала заявление, — сказала Натали.

Алиса повернула голову.

— Угу.

Натали не смотрела на неё, смотрела в экран.

— В пятницу последний день. Всё. Решилась.

Голос был не ровный: в нём что-то дрожало глубоко, как под коркой. Она сглотнула, пальцы на коленях сжались.

Алиса молчала. Она знала про это давно. Про редакцию, где Натали вечно критиковали. Про начальника, который переписывал её тексты и ставил своё имя. Про то, что кто-то предложил другое место: тише, спокойнее, с нормальными условиями. Натали колебалась месяца три. Алиса слушала и не советовала.

— Ты молчишь.

— А что сказать?

— Ничего. Просто ты молчишь.

— Я слушаю.

Уголок рта у Натали дёрнулся: почти улыбка.

— Да знаю я. — Она помолчала. — Я боюсь.

Алиса не сказала «не бойся». Не сказала «всё будет хорошо». Сказала:

— Правильно.

Натали моргнула.

— Что правильно?

— Бояться. Значит, не всё равно.

Натали смотрела долго. Откинула голову на спинку дивана. Потом сказала другим голосом, легче:

— А ещё я начала писать новое. Про женщину, которая в баре назвалась чужим именем.

— Зачем?

— Ну, чтобы понять, кем бы ты была, если бы не была собой. Я на днях попробовала, назвалась Кейт и посмотрела, как они с другой разговаривают.

— Они?

— Люди. Ну ладно, мужчины. — Она улыбнулась. — И знаешь, это работает. С чужим именем как-то смелее.

Алиса кивнула и не спросила больше. Чужие игры её не занимали.

— А ещё! Я познакомилась с парнем.

Алиса посмотрела на неё.

— Кто на этот раз?

— Алиса! — Натали подняла бровь. — Ты так говоришь, будто я их постоянно меняю.

— Возможно. Немного.

— Короче. — Натали села ровнее, поджала ноги. — Помнишь, я назвалась в баре Кейт? Он ушёл утром и не оставил номера, я думала, всё. А вчера ночью пишет: «Потерял твой номер, нашёл через общих знакомых». Представляешь? Сегодня мы встретились снова. Кофе, потом он проводил меня до дома.

— Через каких знакомых? — спросила Алиса.

— Алиса! Ты опять.

— Я просто спросила.

Она говорила быстро. Глаза блестели впервые за вечер.

— Идём по дороге, впереди огромная лужа. А я в туфлях. И он… — она запнулась, улыбнулась. — Он взял меня на руки и понёс. Через лужу. Это было как в кино.

Алиса поморщилась.

— Вы едва знакомы. Может, он маньяк.

— У тебя каждый второй маньяк.

— А у тебя каждый второй хороший парень. Только потом они тебя с долгами оставляют или с психическими травмами.

— Да на этот раз всё иначе! Он умный, галантный, ну правда. Я хочу вас познакомить.

— Я перестала запоминать их имена ещё два года назад.

— Алиса!

— Что.

— Ничего.

Натали откинулась на подушки. Обиделась, но не всерьёз. Или всерьёз, но ненадолго. Она всегда так.

— Он скоро должен зайти. В гости.

Алиса посмотрела на неё долго. Потом встала.

— Тогда я лучше пойду.

— Это не обязательно. Я предупредила, что я не одна.

— Всё же. Пойду.

Натали помолчала.

— Ну ладно.

Спорить Натали не стала. Если Алиса решила, Алиса уйдёт: она всегда уходила первой, и Натали давно к этому привыкла. Может, за это её и любила. Алиса не притворялась, не оставалась из вежливости и не делала вид, что ей интересно.

Алиса подошла к двери. Натали смотрела в спину.

— Алиса.

Она остановилась. Не обернулась.

— Спасибо, что зашла.

Алиса кивнула и вышла. На лестнице было темно. Она спускалась, не держась за перила.

Дома вентилятор всё ещё работал. Она не выключала его. Не стала.

Она села на кровать. Рядом лежала сумка с нелепым брелоком. Она смотрела на него долго. Потом достала телефон со стёклами-паутиной и набрала сообщение одной рукой, медленно.

Оскару: *Во сколько заканчиваешь?*

Отправила. Положила телефон. Легла.

Вентилятор гудел. Пальцы сами нашли чокер и маленький камень на нём. Она не заметила, что держит его.

День четвёртый. До конца оставалось двадцать шесть.

Она закрыла глаза.

Глава 8. Ужин

Двадцать шесть ступеней до третьего этажа. Джулиан считал их, пока поднимался: привычка запоминать выходы ни разу его не подводила. Дом был старый, кирпичный, пахло сыростью и чьим-то жареным луком. Дверь на площадке закрывалась без ключа, на защёлку. Замок можно было открыть кредиткой. Он отметил это и прошёл мимо.

Натали открыла почти сразу. В вязаном платье цвета ржавчины, с мокрыми волосами, пахнущими яблочным шампунем, и с таким выражением на лице, будто всю неделю репетировала эту встречу.

— Ты пришёл раньше!

— Привёз вино. Не знал, что берут к пюре.

— К пюре берут всё. — Она взяла бутылку и чмокнула его в щёку, быстро, как целуют того, в ком ещё не уверены. — Она придёт в семь. Она всегда опаздывает на пять минут, а если ей не хочется, то на двадцать. Не пугайся, она кусается.

— Подруга?

— Лучшая. Единственная. Алиса.

Имя прозвучало в чужой прихожей, как в зале суда. Джулиан не изменился в лице. Он улыбнулся, как улыбается человек, которому назвали незнакомое имя.

Квартира была тесная и тёплая, с низким потолком и книгами везде: на подоконнике, на полу у дивана, в стопке рядом с кроватью. На стене висели фотографии: Натали в детстве, с рыжим котом на руках, Натали на пляже, Натали с кем-то из редакции. Рыжий кот на каждой второй. Майкл. Джулиан остановился перед последним снимком, где кот лежал на подушке и смотрел в камеру с видом существа, которое знает цену всему. Он вспомнил царапину на запястье.

— Хороший, — сказал он.

— Был лучшим.

Она сказала это просто, без слёз, и пошла на кухню. Он смотрел ей в спину и думал о том, что она единственная за последние годы, кого он видел и не запомнил как цель. Это было неудобно.

Алиса пришла в 7:20.

Он услышал её раньше, чем увидел: шаги на лестнице, не торопливые и не медленные, и дверь, которую она открыла сама, не постучав. Вошла так, будто здесь жила. Серая толстовка, старая куртка поверх, джинсы. Волосы мокрые, не уложенные, чокер на шее, кольцо в носу. Ниже, чем он запомнил, и жёстче: так бывает с людьми, которых видишь второй раз.

Она посмотрела на Натали, потом на него.

Это длилось секунду. Ту самую, в которой люди не умеют скрывать. Он ждал, что что-то дрогнет: брови, губы, плечи. Ничего. Ни испуга, ни удивления, ни интереса. Только зрачки на долю мгновения расширились и вернулись, будто объектив подкрутили и навели резкость. Она узнала его. И решила, что покажет это ровно настолько, насколько захочет сама.

— Привет, — сказала она Натали. Потом ему: — Здравствуйте.

— Лисса! — Натали бросилась её обнимать.

— Алиса.

— Прости, привычка. — Она быстро, виновато чмокнула воздух возле её щеки.

Джулиан отметил: «Лисса». И то, как у Алисы чуть дёрнулась скула.

— Это Джулиан, — сказала Натали. — Мой… ну. Джулиан. А это Алиса.

— Мы виделись, — сказала Алиса.

Натали замерла с полотенцем в руках.

— Что?

— На улице. Он помог донести мне сумки. Я переезжала.

Ровно, без нажима. Джулиан поймал себя на том, что восхищается: она не соврала, не сказала ничего лишнего и сделала из него случайного прохожего, который просто оказался рядом. Взяла историю и повернула её так, как было нужно ей.

— Мелочь, — сказал он.

— Мир тесен! — Натали всплеснула руками. — Да блин, как я рада. Садитесь, сейчас всё остынет.

Стол был накрыт на троих. Пюре, котлеты, салат из огурцов, бутылка вина, которую привёз Джулиан, и две свечи в старых подсвечниках. Он сел напротив Алисы, Натали между ними.

Алиса ела молча и быстро, как едят, когда голодны, но не показывают. Крошила хлеб пальцами. Джулиан не смотрел на неё прямо. Он смотрел на то, как она держит вилку, как поглядывает в сторону окна, как села: так, чтобы видеть и дверь, и его. Он сам выбрал бы то же место.

— Рассказывайте, — сказала Натали, наливая вино. — Что у вас там, Джулиан? Вы же обещали рассказать про работу.

— Командировка. Скучная: бумаги, отчёты, чужие столы.

— Скучная! — Она повернулась к Алисе. — Я тебе рассказывала, как мы познакомились?

— В баре.

— В баре, да, но ты не знаешь главного. Я сидела одна, ну, в общем, был плохой день. И тут подходит он. Сел рядом, спрашивает, не помешает ли. И говорит: я вообще-то агент ФБР, мы умеем сидеть. Я думала, он шутит!

Алиса поперхнулась.

Не сильно: коротко, сухо, но так, что вилка стукнула о тарелку, а пюре на ложке дрогнуло. Она закашлялась, взяла стакан, отпила. Глаза слезились. И когда она наконец подняла их, то посмотрела на него. Первый раз за вечер: прямо, не боком.

Этот взгляд Джулиан видел редко. Без страха. Без обиды. Без желания понравиться. Холодный и чистый, как стекло, в котором ничего нет, кроме подсчёта.

— Вы из ФБР, — сказала она.

— Да.

— Не из полиции.

— Это то же самое, только с другим жетоном.

— Нет, — сказала Алиса. — Совсем не то же.

— Алиса, ты чего? — Натали забеспокоилась. — Ты красная.

— Подавилась. Бывает.

Она допила воду. Отодвинула стакан. Джулиан следил, как она выравнивает дыхание, и узнавал в этом своё. Так он сам учился держать лицо в двенадцать лет.

— И что ФБР делает в Миннеаполисе? — спросила она так, будто интересовалась ценой на яблоки.

— Работает.

— Над чем?

— Над делами, которые идут через границы штатов.

— Интернет, например?

— Иногда.

— Страшное дело.

— Алиса, не допрашивай, — сказала Натали. — Он на ужине.

— Я спрашиваю.

— Пусть, — сказал Джулиан. Он взял вилку, повертел. — Мне нравится, когда спрашивают.

— Почему?

— Тогда видно, чего человек боится.

Алиса чуть наклонила голову. Взгляда не отвела.

— А вы чего боитесь?

— Ничего.

— Все чего-то боятся.

— Конечно. Просто я не из тех, кто это показывает.

— Видимо, из тех, кто красиво говорит, — сказала она.

Он улыбнулся уголком рта. Обидно не было. Так бьют на пробу, чтобы найти слабое место.

— Вам не нравится, как я говорю?

— Вы говорите слишком красиво. Можно проще?

— Можно. — Он положил вилку. — Мне интересно, чем вы занимаетесь.

— Я? Данные.

— Какие?

— Чужие.

Пауза. Натали рассмеялась, неуверенно, как смеются, когда не поняли шутки.

— Алиса работает с компьютерами, — сказала она. — Фрилансит. Что-то про безопасность.

— Про безопасность, — повторил Джулиан.

— Про то, чего у людей нет, — сказала Алиса. — Но они думают, что есть.

Он смотрел на неё секунду. Две. Она не отвела глаз. У неё шевельнулась мышца у виска.

Остальной ужин пошёл как по накатанному. Натали говорила о редакции, о том, что завтра последний день, о новой работе, о том, что в магазине рядом с домом теперь продают то самое печенье с изюмом, от которого она без ума. Джулиан отвечал ровно и тепло: умел. Спрашивал про рукопись, про кота, про коллег. Улыбался в нужных местах и смотрел на Натали так, как смотрят на женщину, которая нравится.

Алиса наблюдала. Один раз, когда он наклонился налить Натали вина, она взглянула на его руку: на запястье, на часы. Дважды на дверь. Он сосчитал и это.

— Десерт! — объявила Натали, вставая. — Яблочный пирог. Мамин рецепт, с корицей. Я два часа возилась.

Запах пришёл раньше, чем она вернулась: тёплый, сладкий, плотный, с горячим сахаром. У Джулиана свело челюсть. Он дышал ртом, глядя на свечу, и не подал виду. Только пальцы под столом сжали салфетку.

Натали поставила пирог на стол и начала резать.

— Мне не нужно, — сказал он.

— Совсем?

— Сладкое не ем.

— Ну попробуй хоть кусочек! Я старалась.

— Не ем, — повторил он ровнее.

Натали надула губы, обиженно, шутливо. Алиса не смотрела на пирог. Она смотрела на него: прямо, пристально, без выражения. Она заметила не то, что он отказался, а как. Челюсть. Пальцы. Дыхание.

Он встретил её взгляд и не отвёл глаз. Салфетку под столом так и не выпустил.

— Давайте я помогу, — сказала Алиса и встала, взяв тарелки. — Натали, оставь, я уберу.

— Я сама.

— Сядь. Ты весь день на ногах.

Натали удивлённо села. Алиса понесла посуду на кухню. Через минуту оттуда донёсся шум воды.

— Она никогда не помогает, — прошептала Натали. — Ты ей понравился.

Джулиан не ответил. Встал, взял пустую корзинку из-под хлеба.

— Я отнесу.

Кухня была маленькая, жёлтая, с окном во двор. Алиса стояла у раковины спиной к нему, руки в мыльной пене. Вода шумела. Он поставил корзинку на стол и встал так, чтобы быть рядом, но не слишком: на расстоянии, которое выбирают, когда хотят, чтобы человек чувствовал присутствие и не мог обвинить в нахальстве.

— Можно прямо? — сказала она, не оборачиваясь.

— Нужно.

— Вы за мной пришли или за ней?

Перед ним был её затылок. Мокрые волосы, тонкая шея, чокер с маленьким белым камнем. Спрашивать её про Дэмиена, когда за стенкой Натали, было глупо. Сейчас важнее было другое: сколько она знает о нём.

— Я не знал, что вы существуете, пока Натали не сказала.

— Врёте.

— Откуда вы знаете?

— Вы ответили слишком быстро. — Она наконец повернулась, вытерла руки о полотенце. — Люди, которые говорят правду, обычно думают секунду.

Он ничего не сказал. Слишком быстро. Эту фразу ему говорили за неделю во второй раз, и во второй раз она была правдой. Что-то холодное прошло по затылку. Не страх: азарт.

— Если вы что-то сделаете ей, — сказала Алиса тихо, без угрозы в голосе, и от этого было страшнее, — я не буду думать про закон.

— Вы угрожаете агенту ФБР?

— Предупреждаю нормального человека.

Он не ответил. Алиса снова открыла кран и взяла следующую тарелку. Мыла её дольше, чем нужно, и ни разу не обернулась проверить, здесь ли он. Знала, что здесь. Она не вспыхнула и не притворилась. Стояла в жёлтой кухне чужой подруги, с мокрыми руками, и держала его взглядом, как держат нож — на всякий случай.

— Я не вредил ей, — сказал он.

Это была правда. Пока.

Алиса посмотрела на него ещё секунду. Потом кивнула, не поверив ни капли, и сказала:

— Хорошо.

Дверь скрипнула. Вошла Натали с остатками пирога.

— Вы тут что, шепчетесь?

— Обсуждали политику, — сказала Алиса. — Он за демократов.

— Он не за демократов, — сказал Джулиан.

— Тем более.

Натали посмотрела на мокрые руки Алисы, потом на него. Рассмеялась на полсекунды позже, чем следовало, и принялась разливать чай.

Алиса ушла в десятом часу. Натали пыталась её удержать, но она уже стояла в куртке у двери, как стоят люди, которые давно решили, что остаться значит сдать территорию.

— Спасибо за ужин, — сказала она. — Пирог был хорош.

— Ты даже не попробовала!

— По запаху.

На Джулиане она задержала взгляд.

— Было интересно, агент.

— Джулиан.

— Агент, — сказала она.

Открыла дверь и вышла. Её шаги спускались вниз, не торопясь, без перил. Двадцать шесть ступеней.

Натали стояла, прислонившись плечом к косяку, и улыбалась.

— Ну как тебе?

— Интересная.

— Она всем сначала не нравится. А потом привыкаешь. — Она вздохнула. — Мне кажется, ты ей понравился.

— Мне тоже.

Он не врал. Алиса не боялась. Значит, у неё либо нет страха, либо есть план. Её руки пахли мылом и яблоками. И смотрела она так, будто это она его выбирала.

Она его сосчитала: дважды дверь, один раз руки.

Он её — тоже.

— Останешься? — спросила Натали.

— Конечно.

Он закрыл дверь и повернул защёлку. Внизу, где-то далеко, хлопнула подъездная дверь.

Глава 9. Сделка

У неё не было режима. Это Джулиан понял на третий день.

Он думал, что нужно только время: пару вечеров под окнами, и график сложится, как складывается у всех. Люди ходят на работу, возвращаются, ужинают, ложатся. Даже одинокие. Даже те, кому нечего скрывать. Но Алиса могла выйти из подъезда в три часа дня, а могла в четыре утра, могла не выйти двое суток, а на третьи пройти пешком четыре мили в никуда и вернуться. Окно её однокомнатной квартиры на втором этаже горело то до рассвета, то не горело вовсе. Иногда в нём мелькал огонёк сигареты: она курила прямо в комнате и не закрывала створку.

Адрес он узнал в ту же ночь после ужина. Натали спала, закинув руку за голову, телефон на тумбочке не заблокировался. Он просто открыл переписку. Одно сообщение четырёхдневной давности: *Переехала. Новая дыра, зато без Дэма. Ключ у соседки*. Адрес в конце. Он запомнил, положил телефон на место и лёг рядом, глядя в потолок. Натали пробормотала что-то во сне и перевернулась. Вины он не чувствовал. Он вообще не чувствовал ничего, кроме спокойного удовлетворения, как у человека, у которого сошлась первая цифра шифра.

Утром он ушёл, пока она спала. Через день пришло сообщение: *Ты где? Скучаю*. Он прочитал и не ответил. Через два: *Всё в порядке?* Он не ответил и на него. Он отступил так, как умел отступать: тихо, без объяснений, не сжигая мостов. Он делал так со всеми: давал тепло ровно столько, сколько нужно, а потом уходил в холод и ждал, пока человек сам начнёт тянуться. Натали была мостом. Мосты не нужно держать тёплыми. Их нужно держать на месте.

Она работала по ночам. Это было понятно. Теперь она работала у Кита, в подвале жилого дома: каждый второй вечер она спускалась туда по крутой лестнице и пропадала до рассвета. Он видел, как Кит, невысокий, лысеющий, нервный, уходил около полуночи и запирал дверь снаружи. Видимо, так у них было заведено: чтобы к ней никто не вошёл. Алиса оставалась. Он видел, что на окне подвала нет решётки.

Он ждал. Умел.

В ночь на понедельник, в половине второго, Кит ушёл. Джулиан выждал десять минут. Потом вышел из машины, спустился по лестнице, достал из кармана тонкий инструмент, который носил на связке, и открыл замок за четыре секунды. Замок был смешной. Кит экономил.

В подвале горел только экран. Алиса сидела спиной к двери, в наушниках, с сигаретой в зубах и не оборачивалась. Свет бил ей в лицо, делая его бледным и плоским, как фотографию. Ноутбук был открыт. Что на экране, он не видел. Но видел, как её плечо чуть дёрнулось: не от звука, от сквозняка.

Она вынула один наушник. Не повернулась.

— Дверь была закрыта.

— Замок смешной.

— Знаю. Кит экономит.

Она сняла второй наушник, положила на стол, затушила сигарету в крышке от банки. Очень медленно, как делают, когда пытаются выиграть три секунды. И закрыла крышку ноутбука: одним движением, без спешки.

Он шагнул вперёд, и она рванулась.

Не к двери: боком, под руку, к лестнице. Быстро, но не так, как нужно. Он перехватил её за запястье на втором шаге, потянул на себя, и она ударила локтем. Попала в рёбра: не сильно, но точно. Он выдохнул. Развернул её, прижал спиной к металлическому шкафу. Шкаф загудел, как колокол.

Она не кричала. Она била, коротко, зло: коленом, локтем, пяткой по голени. Умела не так, как умеют бойцы, а как умеют те, кто знает, куда попасть, потому что научился на синяках. Он перехватил обе её руки, свёл за запястья над головой и прижал к холодной стене.

Она дёргалась и не могла. Он чувствовал, как под его пальцами бьётся пульс: быстрый, горячий, как у зверя. Её дыхание на его щеке было рваным. Табак, мятная жвачка и что-то ещё, тёплое, своё. Она смотрела на него снизу вверх. Глаза тёмные, расширенные. И в них не было страха. Была ярость. И расчёт.

Он держал её крепко. Пальцы сомкнулись на запястьях ровно настолько, чтобы она не могла провернуть руку, а коленом он прижал её колено к стене, чтобы не было замаха. Она рванулась раз, другой, проверяя, где кончается его хватка. Не нашла. Тогда перестала тратить силы на руки. Взгляд ушёл ему за плечо, к двери, к лестнице, и вернулся. Она только напрягла плечи и держала их так, пока мышцы не начали дрожать. И отпустила: сначала плечи, потом спину. Медленно, нехотя. Он почувствовал под пальцами, как её тело признало: он держит.

Они стояли так секунд пять. Или десять. Или больше. Он слышал, как стучит её сердце. Или своё.

Сердце у него шло так, как шло только рядом со смертью. Здесь смерти не было. Была её ярость. И то, что она не просила пощады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.